



Виктор Родионов

Обрести себя

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Родионов

Обрести себя

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68259281
SelfPub; 2023*

Аннотация

В этой истории – путь обретения мужского начала неуверенного в себе мальчика, путь осознания мужской роли в отношениях между мужчиной и женщиной. Герой повествует о своём детстве и юности, прошедших в подмосковном дворе середины шестидесятых годов прошлого столетия. Росший в семье без отца, он с особой теплотой вспоминает свои отношения со старшей сестрой, которая в детстве была для него лучшим другом и опорой. В его воспоминаниях – детский ужас встречи с негодяем, шалости, юношеские открытия, – обо всём герой рассказывает откровенно и с юмором. С иронией он вспоминает интимные подробности первых проявлений своей сексуальности, связанные с этим заблуждения, страхи и забавные случаи. Параллельно с этим, герой повествует о своей бабушке – враче с нелёгкой судьбой, и о почти детективной истории её рукописи. В повествовании содержатся сцены, которые кому-то могут показаться жестокими или излишне натуралистичными; если Вы к этому не готовы, – пожалуйста, воздержитесь от чтения.

Содержание

Праздник	4
Семья	8
Зингер	12
Дядя Боря	13
Старший брат	23
Во дворе	26
Пеня и Вулька	34
Пёрышко	41
Панихида	45
Обыск	47
Профессор	49
Первая Роза	51
Книга	60
Апулей	67
Эдик	76
Платье	89
Бабушкина рукопись	107

Виктор Родионов

Обрести себя

Праздник

Наша с Ленкой бабушка мечтала видеть кого-нибудь из нас врачом, который продолжил бы дело всей её жизни. Но ни я, ни Ленка не хотели идти в медицину – нас с детства тянуло к технике. Бабушка об этом знала и уважала наш выбор.

Поэтому она завещала передать свою рукопись тому из её потомков, кто всё-таки решит связать свою жизнь с медицинской и выберет бабушкину специализацию.

Рукопись ребёнку надлежало вручить непременно в торжественной обстановке, сразу после окончания им медицинского института – таковы были традиции её семьи. Все её предки были врачами и своим детям в наследство они передавали именно свои дневники и научные труды. Вообще, наличие семейных реликвий было традицией её семьи уже в течение нескольких поколений. И нам не хотелось нарушать эту традицию.

Рукописью была толстая книга, вручную сшитая из тетрадей разной толщины или даже из отдельных листов. Они немного отличались по размеру, качеству бумаги и явно были написаны в разное время. Написаны они были вручную,

аккуратным почерком: эта книга содержала результаты научных исследований и дневники, которые бабушка вела в течение почти всей своей профессиональной жизни. К рукописи прилагались несколько конвертов из грубой бумаги с рисунками и таблицами. На обложке была приклеена казённая этикетка с надписью:

«Кат. класс. "прочие", авт. проф. ... Р.Ф., б/н, листов н/д, несекретно, разрешено домашнее хранение, возврату не подлежит. Аннотация: анализ генезиса психических расстройств античности и средневековья на основе открытых литературных источников. Зарегистрировано: журнал № 24/8539, рег. № 845, исп. Антонова Ю.С. дата».

Значительная часть рукописи была написана на латыни. Некоторые тетради были написаны по-русски и на других языках. С этой рукописью связана таинственная история, о которой я расскажу позже.

Ленка – это моя старшая сестра; она старше меня на год. Мы уже давно не молоды и для всех она не «Ленка», а Елена Владимировна, заслуженный и уважаемый в городе человек. У нас давно свои семьи, и у неё, и у меня – взрослые дочери.

Врачом стала Ленкина дочка – Алиса. И, хотя она выбрала другую специализацию, мы всё равно решили вручить ей эту бабушкину реликвию. Думаю, бабушка бы это одобрила: внешне Алиса была очень похожа на неё...

Для празднования все решили собраться поближе к истокам, – в бабушкиной квартире, где прошло наше с Ленкой

детство, а сейчас живём мы с женой.

После торжеств все разошлись по комнатам, а мы с Ленкой ушли на кухню, долго болтали, вспоминали детство, юность... Потом решили посмотреть старые фотографии. Звать никого не стали – это очень личное.

Вот мама... бабушка... мы на диване...

Из отдельного конверта выскользнула небольшая пачка фотографий нашей дворовой ватаги – мальчишки, девчонки...

– Надо же! – воскликнула Ленка, – ни одной девчонки не помню.

– Да и не мудрено...

А вот и наша дворовая футбольная команда!

– Помню я этот день, – сказала Ленка, усмехнувшись, – это Сашкин отец пришёл с фотоаппаратом и решил нас всех сфотографировать.

– Да, я тоже помню, – ответил я. – А где тут сам Сашка-то?

– А вот ты со своей палкой на боевом посту! – перебила меня и засмеялась Ленка.

– Ага. Это Стас мне занятие придумал. Надо сказать – рас судительный и справедливый парень он был. Интересно, как у него жизнь сложилась – скорее всего, юристом стал?

– Не знаю.

– А помнишь – ты ему по морде дала?

– Помню, как же... Но это было за дело...

– Это точно.

Попалась фотография, на которой была изображена вся наша команда. Мальчишки стояли полукругом, положив руки на плечи соседей. С краю стоял я, с большой палкой в руках. В самом центре стоял симпатичный мальчик, поставив ногу на мяч.

Этот же мальчик был изображён ещё на одной фотографии, там он был один, и ракурс фото был покрупнее. На вид мальчишке лет десять-одиннадцать, он был в футбольных трусах и майке, в чёрной кепке, в гетрах, одна из которых была спущена до щиколотки. Мальчик был обут в футбольные бутсы. На руках у него были большие перчатки, а под мышкой – грязный футбольный мяч. На коленке красовалась ссадина. Он был вратарь и был сфотографирован на фоне футбольных ворот.

Увидев фотографию, Ленка вдруг расплакалась. И у меня сдавило горло.

С этим мальчиком было связано всё наше детство.

Не знаю, о чём сейчас думала Ленка, – кем он остался в её памяти. А для меня он в то время был и старшим братом, да и частью меня самого...

Семья

Отца своего мы не помним. Он пропал, когда мама забеременела Ленкой. Когда Ленка родилась, он ненадолго появился, а когда мама ещё раз забеременела, – на этот раз, мной, – отец пропал навсегда.

Мама пыталась его искать, но бабушка была гордой и сильно возражала против этих поисков. И мама, наконец, сдалась.

Соседки судачили, что он «завербовался на Север», да там и сгинул. «Такого шикарного мужика Галька упустила. Сама виновата, дура».

Меня они за глаза называли «нагулянным». Когда я спросил у бабушки, что это значит, она сильно рассердилась и сказала, чтобы я не говорил ерунду. С соседками она потом «убедительно поговорила» и они прикусили языки – некоторые считали её ведьмой и откровенно боялись.

Дедушку я помню плохо – он умер, когда мне было около четырёх лет. Ленка его помнит получше. Он был инженером в «почтовом ящике» и его ценили. Бабушка говорила, что карьеру он сделать не смог «по некоторым обстоятельствам», но зато дали эту квартиру.

Мы с Ленкой думали, что дедушка на работе делал почтовые ящики, и они у него получались хорошие. А эта самая «карьера» – у него никак не получалась. Лезть во взрослые

разговоры у нас в семье не разрешалось: бабушка за это могла отчитать строгим голосом – в такие минуты мы её боялись.

Мама в то время была акушером и работала в нашей больнице на две ставки, по сменному графику. Из-за этого её часто не было дома. Когда она была уже в возрасте, она шутила: – Я, наверное, полгорода на руках держала!

Бабушка тоже была врачом. У неё была редкая специальность – психиатр-сексопатолог. Она работала в клиническом институте, в котором лечили только «ответственных товарищей». Бабушка была остра на язык и имела непростой характер. Когда подружки её спрашивали, чем же она всё-таки занимается, она смеясь отшучивалась:

– Поднимаю члены руководящим членам!

Карьеру бабушка тоже не смогла сделать, и по тем же обстоятельствам, что и дедушка: чтобы сделать карьеру, надо было вступать в Партию, но ни дедушка, ни бабушка этого не хотели. Да и кто бы их туда принял – Августа Карловича и Розу Фердинандовну, поволжских немцев, к тому же, не скрывающих своей лютеранской веры.

Да, они были российскими немцами, потомками чуть ли не первых немцев на Руси.

Поэтому, и русский, и немецкий языки в нашей семье были одинаково родными. Мы с Ленкой не чувствовали границы между языками и часто говорили, как это называла бабушка, «по-тарабарски»: в одной фразе смешивали оба язы-

ка.

С мамой это было можно. Бабушка говорила с нами либо только на русском, либо только на немецком языке. Если мы «включали тарабарский», бабушка переспрашивала: «Что?» или «Wie bitte?», в зависимости от того, на каком языке она желала с нами говорить. Так бабушка боролась с нашим «тарабарским».

Окончательно эта проблема решилась сама собой, – мы стали играть с соседскими ребятами, а они говорили только по-русски. А потом школа поставила на этом жирную точку.

Пока мы сами не научились читать, бабушка читала нам много книжек на русском и на немецком, – сначала это были сказки, а потом, и что-то посерьёзнее, – стихи Пушкина или Гёте, – а позже, повести и романы, по возрасту. Читать в нашей семье любили.

Бабушка пыталась читать нам Библию Лютера, но когда действия сюжета дошли до бегства святого семейства в Египет, мы с Ленкой испугались и расплакались; бабушка отложила эту затею на потом, пока не подрастём, да так и забылось.

Кроме родных для неё русского и немецкого, бабушка свободно владела английским и французским языками, а также латынью, которой она увлекалась в юности.

Её потребность в иностранных языках объясняется очень просто: в стране, где, как известно «секса не было», трудно было найти научную литературу по бабушкиной тематике. В

её библиотеке, в основном, были иностранные книги, часть из которых ей «прямо оттуда» привозили её высокопоставленные пациенты.

Были и переводные книги, но чужие переводы бабушка не признавала:

– Если даже Лютер при переводе Библии сделал ошибки, то что говорить о другой литературе!

Да, авторитетов у бабушки не было. В Бога она верила, но говорила, что «храм у каждого в душе свой», и священникам не доверяла: посредники ей были не нужны. Одной из главных ценностей для неё была независимость.

Лет в шесть мы уже неплохо читали.

Первым иностранным языком для нас с Ленкой была латынь. Бабушка говорила:

– Если хотите много знать, читайте старинные книги!

Большая часть античной и средневековой литературы написана на латыни и многие из них были в бабушкиной библиотеке, часто в виде фотокопий.

Латынь завораживала нас... В её звучании нам слышалась особая музыка и казалось, у неё был даже свой «запах» – запах старины. Она казалась загадочной...

Вначале, этому языку учила нас бабушка, для чего сама переводила на латынь уже знакомые нам детские сказки: детской литературы на латыни не было. Знакомый текст позволял быстро догадываться о смысле слов. Правила и грамматику мы учили уже самостоятельно, когда стали постарше.

Зингер

У бабушки была одна очень ценная для нас с Ленкой вещь. Этой вещью была швейная машинка на тяжёлой чугунной станине, с педалью и надписью «Singer».

Шить бабушка не умела, да и машинка была уже неисправна, поэтому она не возражала, когда мы с Ленкой просили у бабушки разрешения поиграть в неё.

Больше всего мне нравилось, качая педаль, раскручивать большое чугунное колесо машинки. Колесо быстро крутилось, гудело и постукивало, как поезд, и мне казалось, что он мчится куда-то в неизведанное... Верхняя часть машинки меня не особо интересовала.

Ленка, напротив, могла подолгу разглядывать, как там внутри шевелятся всякие штучки. В это время она мне не давала крутить колесо, и мы даже иногда ссорились.

Как-то раз, когда Ленке было лет восемь, она разобрала машинку на отдельные детальки. А собрать обратно у неё никак не получалось. Ленка разревелась. Заревел и я.

Мы ожидали грозного выговора от бабушки и испугались. Вопреки ожиданиям, когда бабушка вернулась, она вздохнула, но не сердилась. Детальки собрали в коробку из-под ботинок и убрали «на потом».

Дядя Боря

Мама не оставляла попыток выйти замуж. Как-то, когда Ленка уже пошла в первый класс, у мамы появился новый знакомый, – дядя Боря.

Он был весёлый, играл на гармошке и пел. На руках у него были синие рисунки с солнцем, крестами и какие-то надписи. На наши с Ленкой расспросы, что там нарисовано, дядя Боря мрачно отвечал:

– Ошибки молодости.

Он иногда играл со мной, называя меня «пострелёнок», давал попиликать на своей гармошке, а мама смеялась.

Ленка его сторонилась.

Когда бабушки не было дома, он на кухне курил папиросы. Бабушка не разрешала ему курить в квартире, – у нас в семье никто не курил. Когда она была дома, он слушался, а когда нет, – курил.

Я бегал в клубах табачного дыма, махал руками и восторженно кричал: «Туча, туча!».

Ещё от него плохо пахло какой-то кислятиной, – он был неопрятным. И ещё он неприятно смеялся. Бабушке всё это не нравилось, но мама говорила:

– Ну мам, он же мужчина!

Из-за дяди Бори мама с бабушкой часто ссорились. Иногда мы слышали обрывки их разговоров: «выйду замуж»,

«детям нужен отец», «ты на его руки посмотри», «ну мам!».

Нам с Ленкой не хотелось, чтобы мама ушла в какой-то «замуж», и нас это очень пугало. На наши расспросы мама не отвечала, а бабушка только задумчиво говорила:

– Поживём – увидим...

Однажды в тёплый осенний день, когда мама была на работе, а Ленка ещё была в школе, бабушка поставила на плиту огромную кастрюлю, чтобы варить холодец. Холодец бабушка называла «зельц». Она что-то забыла и собралась в магазин, наказав мне сидеть на кухне и смотреть: если зельц «убежит», я должен сразу выключить газ.

Выполняя бабушкино поручение, я сидел на кухне и смотрел, как будет «убегать» зельц.

Пришёл дядя Боря, в одних трусах и с бутылкой пива.

– Что делаешь, пострелёнок?

Я объяснил.

– А где бабушка?

– Пошла в магазин.

– Ты, я вижу, мужик серьёзный и взрослый! – осклабился дядя Боря.

Он закурил папиросу:

– На, курни!

– У нас не курят! – строго ответил я.

– Ух ты! Важный какой! Ты прям, как твоя бабка!

И ухмыльнувшись, добавил:

– У нас сейчас с тобой мужской разговор будет.

С этими словами, он налил себе полный стакан пива, взял ещё стакан и тоже в него плеснул. Подвинув стакан ко мне, он сказал:

– Привыкай быть мужиком – выпей пивка!

Я отхлебнул пива и скривился: пиво было горьким, жгучим и мерзко пахло.

Дядя Боря загоготал:

– Вот ещё! Что ты как баба! Вот скоро станешь моим сыном, – научу пиво пить!

«Станешь сыном», – застучало в голове, и я похолодел.

– Нам пора познакомиться поближе, – сказал дядя Боря.

С этими словами, он сгрёб меня в охапку, притянул к себе, поставил между своими коленями и прижал моё плечо к своей липкой груди.

Он начал что-то шептать, целовать меня в висок, в щёку и стал своими губами ловить мои губы. Мне это было неприятно, я вертел головой и всячески выворачивался. Это никак не получалось: держал он меня крепко.

Вдруг дядя Боря рывком сорвал с меня штаны вместе с трусами, сбросил их на пол и отшвырнул ногой. Он поймал мою руку и, обхватив ладонь, засунул её к себе в трусы:

– Познакомься с моим «дружком»! – зашипел он.

«Дружок» был твёрдым и шевелился. Он сжал мою ладонь вокруг «дружка» и засопел: «вот так надо, вот так, привыкай, – научишься».

Вытащив свою руку, он ещё сильнее прижал меня к себе.

Моя рука застряла. Потом он накрыл ладонью мою промежность и стал там мять. Я закричал и, наконец, освободив руку, попытался оттолкнуться от него.

– Сейчас твоя попка познакомится с новым дружкой! – загоготал он, продолжая крепко меня держать и мять то самое место.

Извернувшись, я изо всех сил укусил его плечо. Он на мгновение отпустил меня и схватился за укушенное место.

– Ах, ты сучий волчонок! Ну, п...ц тебе! – заорал дядя Боря.

В это мгновение, мне, наконец удалось вырваться, и я упал, отлетев к плите и ударившись плечом.

К счастью, послышался звук открываемой двери: вернулась бабушка. Я вскочил и с криком со всех ног побежал ей навстречу. Мне вдогонку послышалось:

– Пикнешь, – убью!

Я, рыдая, вцепился в бабушку. Она мгновенно всё поняла.

С трудом освободившись, наспех скинув плащ и толкнув меня в мамину комнату, бабушка со страшным выражением лица быстро пошла на кухню.

Я спрятался под кровать и с ужасом смотрел оттуда в проём открытой двери.

Послышались крики, возня, загремела крышка кастрюли, а потом раздался дикий вой дяди Бори. Он, как был, в одних трусах, пробежал по коридору и выбежал из квартиры. Следом пролетел табурет. Хлопнула дверь. Табурет с грохотом

ударился и упал. Всё стихло.

Бабушка с тем же выражением лица вошла в комнату и стала собирать дяди Борины вещи. Собрав вещи в охапку, она подошла к окну, и, открыв его, вышвырнула их. Потом она вернулась, взяла гармонь в футляре и вернулась к окну. Гармонь полетела туда же.

Бабушка вышла в коридор и стала звонить по телефону:

– Галя? Срочно приезжай!

– ...

– Да, случилось страшное. Приезжай немедленно!

Ленка пришла из школы. Увидев меня, плачущего, под кроватью, она тоже заревела и залезла ко мне.

С кухни вернулась бабушка. Она ласково позвала нас, и мы вылезли. Бабушка обняла нас и, лаская, успокаивала:

– Всё, всё закончилось, всё хорошо...

А потом отвела нас в свою комнату. Там она подвела меня к столу, включила настольную лампу, и, направив её свет на меня, ласково сказала:

– Сними рубашку, Славик: мне нужно тебя осмотреть.

Я снял рубашку и майку, и остался совсем голым. Она долго и придирчиво осматривала каждый сантиметр моего тела, а иногда, дотрагиваясь где-нибудь, спрашивала:

– Здесь больно?

Обнаружив на моём плече синяк, бабушка достала из саквояжа фотоаппарат и сфотографировала его. В это время, ни к кому не обращаясь, она тихо говорила:

– Гематома на левой ключице, два сантиметра, кожные покровы не повреждены...

Потом бабушка, тяжело вздохнув, охнула и как-то обмякла, а на лице у неё выступили слёзы. Вытерев их, она сделала спокойное лицо, достала мне чистую одежду и велела одеваться. А потом ласково попросила меня рассказать о происшествии со всеми подробностями.

Уже будучи взрослым, и вспоминая тот случай, я осознал, какими железными нервами нужно было обладать человеку, – врачу, осматривающему собственного внука в качестве жертвы сексуального насилия. Они и были одной из основных её специализаций в этом клиническом институте, – наряду с другими специалистами, её тоже приглашали для их осмотра...

Я рассказал всё без утайки. Бабушка слушала серьёзно, спокойно и очень внимательно, время от времени задавая вопросы. Пока я рассказывал, Ленка, сидевшая на моём диване, смотрела на меня огромными от ужаса глазами.

Бабушка окончательно успокоилась.

– Пиво понравилось? – спросила она шутливо.

– Нет, – ответил я отвращением.

Мы смотрели в окно и ждали маму. Мама приехала на «Скорой помощи». Она вышла из машины и побежала в подъезд, а машина уехала.

Когда она вошла, её встретила бабушка и грозно сказала:
– Ты доигралась, Галя! Твой Борис изнасиловал Славку!

Мама пошатнулась и упала на пол. Бабушка побежала в комнату и вернулась с вонючим пузырьком.

Мы очень испугались, – настолько, что даже не заплакали. Мама, наконец, пришла в себя и села на пол. Мы с бабушкой помогли ей подняться, разули, сняли с неё плащ, проводили в комнату и усадили на диван.

Видимо, мамин обморок невольно послужил для неё наказанием – мы ждали, что бабушка будет страшно ругать её, но этого не произошло. Бабушка спокойным тоном начала говорить:

– Покушение на изнасилование, состояние ребёнка удовлетворительное, только напуган, и небольшая гематома, но не специфическая, а от падения...

И добавила после паузы:

– Хорошо, хоть я вовремя вернулась! – и расплакалась...

Мама прижала нас с Ленкой к себе, заплакала и быстро-быстро заговорила: «Простите меня, Славик, Леночка! Мама, прости меня, дуру!.. Больше никогда, никогда, никогда!... Клянусь вам. Больше никогда! Не нужен нам никто, нам и одним хорошо...»

Через некоторое время они заговорили про дядю Борю:

– Он за нож, – а я за первое, что было под рукой, – зельц варился, кипяток, да ещё жирный, восемь литров... Думаю, третья будет...

– А я-то, я-то хороша, такие слова говорил, серенады пел...

– И я, дура старая, одних оставила... Никогда бы не подумала, что мне придётся...

– Надо заявить.

– Да.

Бабушка кому-то позвонила, а потом сказала:

– Товарищ N обещал помочь.

– N? – испугалась мама. – Ты с ума сошла!

– Чрезвычайный случай. Он сразу всё понял и сказал, чтобы не беспокоились.

Потом бабушка оделась и ушла. Мама осталась с нами и не отпускала нас от себя. Время от времени она всхлипывала, но пыталась нам улыбаться. Мы с Ленкой молчали. Казалось – время остановилось...

Наконец, бабушка пришла домой:

– Он не вернётся. В ожоговом, по скорой. Сказали, ожог обширный, но надежда есть. Правда, пенис, вероятнее всего, под ампутацию, – повреждения неоперабельные. Займутся, как только стабилизируют.

– Так ему и надо.

– Да, чтобы неповадно было. Была в милиции: скорая заявила тяжкие телесные, они к нему ездили. Представляешь, этот подонок дал на меня показания!

– Вот ведь с-сука.

– Тут дети.

– Извини.

Потом, понизив голос, бабушка добавила:

– Капитан по секрету сказал мне, что за ним много что водится, и он, оказывается, в бегах. Так что сам и попался. В больнице его стабилизируют и вернут в тюрьму, в лазарет. Думаю, товарищ N просил их всё сделать по-тихому: капитан шепнул: «До суда вряд ли доживёт, – малява уже ушла».

– Ты думаешь?..

– Уверена. Так что, для нас всё закончилось. Он не вернётся.

– Слава Богу!

Это был взрослый разговор, и мы побоялись спросить, кто такая Малява и куда она ушла, – для нас это осталось загадкой, однако по тону разговора мы поняли, что всё позади, и дядя Боря больше не вернётся никогда.

Потом мы пошли ужинать. Ленка нарисовала тётю Маляву, с причёской и на каблуках, которая куда-то шла, и всем показала. Все шутили и смеялись, и мы тоже, хотя смысл шуток нам был не вполне понятен:

– А кто это тут у нас подслушивал взрослые разговоры?! – шутливо ругалась бабушка.

– Ха-ха-ха!

– Примерно так, – ей надо ещё косу дорисовать!

– Ну вот, варила зельц, а сварила Борьке «дружка»!

– Ха-ха-ха!

Главное – мы были все вместе и испытывали огромное об-

легчение. В этот вечер мы были счастливы!

Старший брат

Ленка никогда не играла в куклы, и вообще, почти никогда не играла с другими девочками. Ей это было неинтересно. Фантики, «секрет» со стёклышками, классики, – всё это было не для неё. Единственное девчоночье развлечение, которое ей ещё нравилось – это скакалка. Но просто так скакать ей было тоже неинтересно: ей нравились всякие «финты». Надо сказать, они у неё неплохо получались.

Она почти никогда не плакала, когда падала или получала синяки или ссадины. Ей нравились подвижные игры, она наравне с мальчишками участвовала в их возне и потасовках.

Она терпеть не могла бантики на голове, юбки, фартуки, косички и вообще, длинные волосы.

Однажды весной, в воскресенье, накануне первого школьного года, Ленка внезапно для всех заявила:

– Мне надоело быть девочкой: хочу быть мальчиком!

Надо заметить, у Ленки и так была фигура, как у мальчика: плечи, бёдра, ладони... Она действительно выглядела скорее, как милый мальчик, чем девочка.

Все засмеялись, а она серьёзно, уперев, как бабушка, «руки в боки», дерзко заявила, почти крикнув:

– Хочу!

В подтверждение своих слов, она схватила со стола ножницы и решительно отрезала клочок волос у себя на голове.

Все оторопели.

Мама начала ей говорить:

– Леночка, ты родилась девочкой, – вот и будь девочкой!

Смотри, девочки красивые, опрятные, нарядные, а мальчишки чумазые! А мы тебе платье новое купим, какое тебе понравится.

И добавила, уже сердито:

– И вообще, не болтай ерунду!

Ленка в ответ топнула ножкой и с нажимом сказала:

– Не хочу платье – хочу рубашку и штаны, как у Славика!

И причёску, как у него!

Мама, было, открыла рот, чтобы отчитать Ленку за дерзость, но бабушка вполголоса заговорила, почему-то, по-немецки, немного распевно, как будто читала Библию: «Кем её Господь создал, Ему решать. Кто мы такие, чтобы спорить с Ним, на всё Его воля. Не ломай ребёнка. Значит, ей так ниспослано Господом. Я надеюсь, для неё это просто игра». Они ещё долго тихо говорили между собой, непонятно о чём, но потом бабушка спокойно спросила Ленку:

– Лена! А почему ты хочешь быть мальчиком?

Ленка успокоилась и просто ответила:

– Эти девчонки мне надоели. Мне интересно с мальчишками: с ними весело.

– А когда тебе надоест быть мальчиком, ты опять станешь девочкой?

– Да!

Мама и бабушка решили, что ей просто хочется поиграть в мальчика и через пару недель или месяц это пройдёт. Между собой они обсуждали:

– Купим ей штаны и рубашки, как у Славки, но на размер побольше, – он потом доносит. И ботинки. – говорила мама.

– Да, и ботинки, – у них размер одинаковый, осенью доносит, успеет. А волосы к школе вырастут, а не успеют, так гарсон сделаем.

– Мальчишки бы не засмеяли...

– Галя! Ты видела этих мальчишек и не знаешь нашу девочку? – засмеялась бабушка...

И, наконец, торжественно объявили:

– Лена! Пусть будет по-твоему! Мы сейчас пойдём в парикмахерскую, а потом поедem в дальний универмаг, – он по воскресениям работает до трёх. Если успеем, станешь «мальчиком» уже сегодня. Если нет, – не капризничать, – не всё зависит от наших желаний.

Ленка, а глядя на неё, и я, запрыгали от радости и захлопали в ладоши.

Всё получилось: к вечеру во дворе появился новый мальчик, а у меня – старший брат.

Мама и бабушка были правы в основном, но ошиблись в деталях: Ленка осталась мальчиком очень надолго.

Это и был тот самый мальчик с фотографии...

Во дворе

Мальчишки во дворе не обратили особого внимания на перемены в Ленкином облике: она и так давно была «своим парнем». Девочки, было, начали украдкой показывать на неё пальцем, но одного Ленкиного взгляда хватило, чтобы это мгновенно прекратилось.

Своим стальным характером она была похожа на бабушку.

Как её воспринимали мальчишки? Думаю, никак. Она была просто Ленкой. Они никогда не забывали, что она девочка, но общались с ней наравне, как с мальчишкой, – поблажек не было.

Ватага во дворе сложилась как-то сама собой, годам к шести-семи. Ленка в ней быстро стала заводилой, выдумывала всякие игры; мальчишки веселились, и эти игры охотно принимались. Все были примерно одного возраста. Самым старшим – старше почти на год, – был Стас. Он был сильный и авторитетный. Он любил чётко формулировать правила новых, придуманных Ленкой игр, и с этими правилами обычно соглашались, после чего их никогда больше не меняли. Ленку он считал ровней себе. И он думал, что они ровесники. Самым младшим в ватаге был я. Ко мне в те годы он относился с некоторым пренебрежением. Бывало, на него иногда наезжала дурь, и он по-мальчишески куражился. В целом, он был неплохой парень, – в старших классах мы даже были

приятелями: он ходил к нам в гости.

Как-то, годам к девяти-десяти, ватага сама собой преобразовалась в дворовую футбольную команду. Чаще всего в те времена играли именно в футбол, – это было очень популярно. Многие упрашивали родителей купить им футбольную форму. Купили форму и нам. Покупать бутсы было дорого, и они были только у трёх-пяти мальчишек. У Ленки тоже были бутсы, – ей подарили их на день рождения. Мне бутсы не покупали: в футбол я играть не умел.

Ленка играла хорошо, «финтила», обводила и точно била по воротам. На той фотографии она стоит на воротах, что было совершенно нетипично для неё: просто в тот день она неудачно упала и прихрамывала, поэтому и встала на ворота. Там её навсегда и запечатлел Сашкин отец.

Перед началом игры «тянули» спички: ватага делилась на команды. Было одно исключение: команда, за которую играла Ленка, обычно выигрывала. Это многим казалось несправедливым и вызывало конфликты: до потасовок, правда, не доходило, но ссоры возникали регулярно. С подачи Стаса, в конце концов, решили, что Ленка половину игры играет за одну команду, а вторую – за другую. Сама Ленка не возражала. Это казалось справедливым решением, и это всех устроило.

Как-то раз, когда делились на команды, не хватило игрока, и, чтобы было поровну, я сдуру вызвался играть, – меня обычно никогда не брали, и я подавал мячик, когда он выле-

тал с поля. Перед этим я по-немецки спросил у Ленки, стоит ли мне проситься в игру – но она в ответ только пожала плечами.

Вдруг, Стас злобно сказал:

– Ещё чего! Под ногами путаться! – и добавил: – Фашист!

Внезапно, Ленкина рука метнулась молнией и ударила его ладонью по губам. Ленка подскочила к нему, взяла за грудки и, наступая на него, злобно зашипела:

– Что... ты... сказал?! Что... ты... сказал?!!

Она продолжала наступать, а он пятился и озирался. Я стоял сбоку и видел её лицо. Это лицо я не забуду никогда...

Потом Ленка отпустила его, отступила на шаг и посмотрела на меня. Я похолодел от ужаса... Все напряжённо ждали, что произойдёт дальше: дрался Стас очень хорошо.

Я на мгновение представил себе, что он размахивается и бьёт Ленку. Дикая ярость наполнила меня. Страх уже не было. Я чувствовал, что сжался в пружину, готовый прыгнуть на него, вцепиться в его горло зубами и гр-р-рызть, гр-р-рызть, гр-р-рызть! Я почти физически ощущал вкус его крови и был готов даже умереть, если он хоть пальцем тронет моего брата Ленку! Мою сестру Ленку! Мою Ленку!

Это длилось несколько мгновений, показавшихся мне бесконечными.

Но Стас, на удивление, опустил руки и спокойным голосом сказал:

– Извини, вырвалось...

– Вот и держи свой язык за зубами... – прошипела Ленка. Этого ожидали меньше всего.

Моя ярость прошла. У меня закружилась и заболела голова. Боль была пульсирующей и, казалось, голова вот-вот лопнет. Я покачнулся, но устоял. Постепенно всё прошло, но голова ещё немного болела. Я ловил на себе удивлённые взгляды мальчишек и не понимал, что происходит...

Подумав немного, Стас сказал:

– Славка в арифметике силён: пусть счёт ведёт. – И, видимо, чтобы не потерять авторитет, строго добавил: – Только не мухлевать!

На том и порешили. С того происшествия, это стало моей почётной обязанностью, а Стас стал относиться ко мне уважительно. Счёт я чертил на земле палкой. Да, той самой палкой, что на фотографии.

Сердобольный Валька – он был нашей «скорой» – сбегал домой и принёс холодной воды в бутылке. Её приложили Стасу к губе. Кровь остановилась, но губа распухла, и он потом ещё долго ходил с синяком.

Вечером я спросил у Ленки:

– Страшно тебе было?

– Нет, – ответила она. – Я даже не успела ничего подумать: всё получилось само. Голова была пустой и холодной.

– А почему ребята на меня так пялились?

– Ты бы видел себя... Дикий зверь... Я даже испугалась. Даже Стас опешил...

Посмотрев на меня, она обеспокоено воскликнула:

– У тебя глаз красный!

Маме решили ничего не говорить, к тому же, когда мы вернулись домой, она уже ушла на дежурство. Когда пришла бабушка, мы рассказали всё ей. Бабушка включила лампу и осмотрела мой глаз. Потом она стетоскопом слушала моё сердце, потом надела мне на руку чёрную резиновую штуку и надувала её грушей, – было больно.

После этого бабушка сказала:

– Всё вы правильно сделали. Вы должны защищать друг друга – вы же брат и сестра.

– Во дворе – мы братья, – возразил я.

Это, в моём понимании, была чистая правда: во время игр во дворе я воспринимал Ленку, как старшего брата: там она была озорным и задорным мальчишкой. А дома... Дома она была обычной девочкой и старшей сестрой.

– Вы везде, – брат и сестра, – с нажимом и немного сердито сказала бабушка.

Потом глаз промывали холодной водой и прикладывали примочку...

Много позже, мы смотрели мультфильм про Маугли. Когда я увидел там пантеру Багиру, у меня сразу же ёкнуло: это же Ленка!

Были и комичные случаи.

Как-то раз, в схватке за мяч, Ленке попали ногой в про-

межность. Она застонала и согнулась. Я чувствовал её тело как своё, и у меня тоже сразу заболело... ну там, пониже живота, просто свело.

Игра остановилась. К Ленке подбежал Валька:

– Что Лен, по яйцам попали? Ты приседай, – так быстрее пройдёт!

Тут чей-то голос резонно заметил:

– Ты что, дурак что ли?! Какие яйца?!

Все захохотали, заулыбалась и Ленка. У меня отлегло. Боль отпустила...

Вопреки опасениям мамы и бабушки, Ленка никогда не забывала, что она девочка.

Однажды, в нашем дворе появился новый мальчишка – Валерка. Он был задиристым и любил, как тогда говорили, «нарываться».

Во время знакомства с новыми мальчишками, Ленка всегда представлялась не «Леной», а именно «Ленкой». А Валерка воспринял имя Ленки, как «Лёнька» и как-то раз обратился к ней, как к «Лёньке». Его легко понять, – с её мальчишечьим обликом обмануться было нетрудно.

На что Ленка спокойно сказала:

– Не Лёнька, – а Ленка.

Валерка, явно желая покуражиться, начал гоготать, озираясь и ища поддержки:

– Ха! Девчачье имя! Девчачье имя!

Не увидев поддержки, он замолчал. А Ленка спокойно продолжала:

– Девчачье. Я – и есть девочка.

Он опять загоготал:

– Ха-ха-ха! Дурак, что ли! Да ну! Хорош врать-то! Ха-ха-ха!

Ленка, стоя напротив него, проказливо заулыбалась и, оттянув резинку футбольных трусов, показала ему промежность:

– На!.. Что? Выкусил?

Он оторопел. Раздался хохот!

Когда смех затих, Стас как то ласково и с издёвкой сказал:

– Валерочка, ты бы поосторожнее с нашей Ленкой. Она и врезать может!

Все опять засмеялись, а у меня пульсировало в голове: «Нашей Ленкой! Нашей Ленкой!».

Она моя! Моя! Моя!

Да, она была полноценным и уважаемым членом мальчишеской ватаги и её лидером: Стас, в конце концов, сдался и уступил ей первенство. Но остался «адвокатом»: он умел улаживать любые конфликты.

Позже, будучи уже подростком, посвящённым в некие взрослые «тайны», и рассуждая об этом периоде нашей жизни, я думал об этом мальчике. Что побудило её тогда столь решительно поменять свой облик? Она же и в платье дава-

ла всем «жару», и её лидерство мало кто оспаривал. Зная Ленкин задорный характер и её любовь к выдумкам, могу предположить, что раз она была членом мальчишеской команды, ей просто захотелось примерять образ мальчика. И на несколько лет «застряла» в нём.

Для меня же... Я рос не очень уверенным в себе; мальчишки во дворе меня иногда третировали. Я нуждался в мужской поддержке, но отца мы не знали. К тому же, с некоторых пор, к мужчинам я относился с опаской. Иногда я мечтал о старшем брате, – я видел такие семьи и завидовал им. И когда Ленка решила стать «мальчиком», я с радостью ухватился за эту иллюзию. Во дворе эта иллюзия для меня была настолько сильна, что иногда я просто забывал, что Ленка – девочка. Там, – во дворе, – она была мне старшим братом.

Много лет спустя, когда мы выросли, она стала начальником механического цеха, который поддерживал в исправности швейные машинки и всё оборудование местной швейной фабрики. У неё в подчинении были одни мужики. И они боялись её как огня! Ленка говорила:

– Курить мои мужики ходят только строем!

О пьянстве в цеху даже не могло быть и речи. Кто-то, – за глаза, – называл её «бой-бабой»: характер у неё был тот ещё!

Много позже, она получила повышение, и в своих железных руках держала уже всю фабрику.

Пеня и Вулька

Что касается того случая с Валеркой и трусами, нужно кое-что пояснить: Ленка не была ни хулиганкой, ни распутницей. Нет. Это было просто очередным её озорством: помню даже, – как-то раз на спор, Ленка, извернувшись, пописала как мальчик. Потом пришлось переодеваться, но спор она выиграла. Такие уж споры у них, у этих мальчишек...

Было и ещё одно, – и связано это было с безразличным отношением нашей семьи к наготe.

Бабушка, как я уже говорил, была верующей и Лютеранкой. Однако, у неё на всё были свои воззрения.

Например, она считала ошибкой составителей Библии, что Адам и Ева были описаны, как созданные из «праха земного»: из глины люди лепили идолов, а это в Библии порицалось. Она была согласна с мнением авторов некоторых средневековых апокрифов, что эта библейская фраза искажена и должна быть переведена примерно как «из плоти своей» или что-то подобное, – не помню, – тогда все противоречия снимались. Лютер, переводя Библию, вроде даже был знаком с этими работами, но оставил формулировку первоисточника. В детстве я иногда слышал подобные дискуссии, когда к бабушке приходили её подруги, но, на мой детский взгляд, они были скучными и я уходил.

По её мнению, стесняться своей наготы – это стесняться

самого Господа, что великий грех.

Мы с Ленкой не были религиозными, и мы были малы для учёных разговоров. Наготу мы воспринимали просто как вид одежды: одежды из «ничего». Нагота вызывала ощущение полной и какой-то первородной свободы: она давала возможность нафантазировать себе любую одежду, какую только хочется, или, например, пиратский или рыцарский костюм, а надоест – так мгновенно сменить его. И нагота нам с Ленкой очень нравилась!

В раннем детстве нас мыли в ванной вдвоём: наливали воду и сажали туда, друг напротив друга. Было очень весело! У нас были кораблики, – почти одинаковые, – мой потемнее чуть-чуть. У кораблика была кабинка с окошками и дверкой. Дверка могла открываться и закрываться, из кабинки она вела на открытую часть кормы, где были две скамейки. И главное: около дверки был штурвал, и его можно было крутить!

Мы, сидя друг напротив друга, пускали кораблики навстречу друг другу. Кораблики иногда сталкивались, и один из них тонул, а мы очень веселились!

Ещё мы любили игру «паровозик»: мы отодвигались к краям ванной, упирались ногами ступня-в-ступню и двигали ногами туда-обратно, как шатуны у паровозных колёс. Было весело, мы визжали и плескались! На крики приходили мама или бабушка, и нас начинали мыть, – игра на этом заканчивалась.

Ещё у нас был большой белый пластмассовый корабль.

Он назывался «Ледокол». С ним мы обычно играли в комнате, – на полу или на диване. У него были две красные мачты, и даже маленький вертолётик на корме. На ледокол можно было садиться. Но садиться было не очень удобно, и мачты отломались. А вертолётик сам куда-то делся. Этот ледокол нам тоже иногда давали поиграть в ванной. Он был слишком большой, и плавать ему было негде, поэтому с ним мы играли по-другому: мы его пытались топить, а потом отпускали. Ледокол с волнами и брызгами быстро всплывал и немного подпрыгивал, а мы визжали от радости! На этот визг тоже приходили мама или бабушка, ругали нас, что наплескали на пол, отбирали ледокол и начинали мыть.

Ленку мыли первой. Она стояла в ванной, ей мылили голову, и она визжала, а на неё ругались. Пока Ленку мыли, пена стекала с её тела, и я играл этой пеной: собирал в горсти и подбрасывал, и меня тоже ругали.

Потом её ополаскивали душем, с головой накрывали большим пушистым полотенцем и уносили в бабушкину комнату – вытирать. Потом точно так же мыли меня, но это уже было совсем неинтересно.

В комнате нас сажали на бабушкину кровать, на перину. Там нас оставляли голышом одних, – «остыть». Бабушка это называла «воздушные ванны». Мы должны были несколько минут сидеть тихо. Тихо никогда не получалось: обычно мы строили друг другу рожи или затевали возню и визжали. Приходила бабушка, отчитывала нас, одевала, и мы шли на

кухню пить тёплое молоко.

О своих половых различиях мы с Ленкой знали, но нас это до поры совсем не волновало.

Мы просто воспринимали тело друг друга, как продолжение собственного. Когда Ленка получала очередную ссадину или синяк, у меня тут же начинало болеть в том же месте, и я требовал, чтобы меня тоже помазали зелёной. Точно так же поступала и Ленка. Мама и бабушка обычно смеялись, и зелёной мазали, только понарошку. Ревели мы с Ленкой тоже вместе: стоило зареветь одному из нас, начинал реветь и второй.

И у нас друг от друга не было секретов. Вообще. Мы могли что-то скрывать от мамы и бабушки, но не друг от друга: в нашем сознании мы с ней были единым целым. Возможно, ощущению этой душевной близости как-то способствовала нагота и близкий телесный контакт, не берусь судить.

Как-то раз, когда пришло время, а мы принимали «воздушные ванны», бабушка застала нас за разглядыванием половых органов:

– Ну, и чем это вы тут занимаетесь? – шутливо спросила бабушка.

– «Глупости» смотрим! – выдала Ленка.

Вдруг, бабушка строго сказала:

– «Глупости»! Вот ещё новость! Наши тела создал Господь – нет у человека никаких «глупостей»!

А потом ласково спросила:

– И кто тебе, Леночка, такую чушь сказал?

– Девочки во дворе.

Бабушка на минуту задумалась и сказала:

– Господь, создавая нас, дал всему свои имена. Это не так называется.

И тут выдал я:

– Я знаю!

– Ну, и как же? – удивилась бабушка.

– У дядек – х...й, у тётек – п...да! – сказал я с гордостью.

– Ну-с, молодой человек, и кто же Вас посвятил в сии откровения? – спросила бабушка, смеясь.

– Большие мальчишки! – гордо ответил я. – Я сам слышал!

Бабушка спокойно сказала:

– Не надо повторять за ними, – эти мальчишки глупые.

Такие слова говорят только пьяные грузчики.

В цоколе нашего дома был магазин и там грузчиком работал дядя Миша. Он был всегда пьяным, но добрым, и даже иногда играл с нами, поэтому бабушкины слова меня несколько озадачили. Но воображаемый мною ореол мудрости, окружавший до сих пор этих мальчишек, вдруг растаял.

– Это называется «половые органы», – продолжала бабушка.

Ленка вдруг захихикала:

– Половые органы, половые органы! А как ими по полу ходят?!

Бабушка засмеялась и сказала:

– Ими не ходят, просто они так называются.

И продолжила, обращаясь ко мне:

– У мальчиков и у мужчин вот эта длинненькая штучка, – чем писают, – называется «пенис»...

– Пеня! Пеня! – перебила её Ленка.

– Не перебивать! – продолжила бабушка. – А маленький мешочек под ним – «мошонка» и внутри него лежат очень важные органы, которые ты должен беречь от травм...

– Мышонок! Мышонок! – опять перебила Ленка.

– Лена! – строго посмотрела на неё бабушка, – Мы говорим о серьёзных вещах!

– Хочу тоже пенис и органы в мешочке! – заявила Ленка.

Бабушка рассмеялась:

– Ох, зря я этот разговор затеяла, – малы вы ещё...

И вполголоса, ни к кому не обращаясь, добавила задумчиво:

– Но, раз дозрели, видимо, пора...

Она посмотрела на Ленку и сказала:

– Женщинам и девочкам не нужны, ни пенис, ни мошонка. Гораздо более ценные сокровища скрываются у женщины внутри живота...

Бабушка сделала паузу, а мы с Ленкой вытаращили глаза: сокровища! И бабушка продолжила:

– То, что видно у девочек и женщин снаружи, называется «вульва». А об остальном, Лена, ты узнаешь потом, когда станешь постарше, сейчас вы всё равно не поймёте, – этого

пока достаточно...

– Вулька! – выдал я.

– Вулька! Пеня! Вулька! Пеня! Мышонок! – радостно закричала Ленка, захлопав в ладоши.

Я тоже развеселился и захлопал в ладоши:

– Пеня! Вулька!

Бабушка тоже засмеялась:

– Глупые вы ещё! Ну, пусть пока будет Пеня и Вулька.

– И Мышонок! – добавил я.

– Ну, хорошо, и Мышонок!

А потом строго добавила:

– Но чтобы ни о каких «глупостях» я от вас больше не слышала. И грубые слова тоже не надо говорить.

С этого дня мыть нас стали отдельно. Первое время, когда мыли Ленку, я стучал в дверь и требовал меня впустить. А когда мыли меня, Ленка в дверь царапалась, как кошка, и было слышно, что она всхлипывала...

Но зато теперь у нас появились новые друзья: Пеня и Вулька...

Пёрышко

С тех пор, воздушные ванны мы принимать перестали. Мы ещё продолжали иногда бегать по квартире голышом. Мама и бабушка нам этого не запрещали, но настойчиво просили одеться, «чтобы не простудились». И мы одевались.

Было одно исключение.

У нас была игра с разными вариациями, суть которой была в следующем. Мы раздевались догола и фантазировали себе какое-нибудь героическое одеяние: рыцарские или гладиаторские доспехи, пиратский наряд или ещё что-нибудь в этом духе. Вариации игры обычно выдумывала Ленка. Чаще всего, мы скручивали из газеты «мечи» и носились с ними друг за другом, сражаясь этими «мечами». От «мечей» во все стороны летели клочки и наше «оружие» быстро ветшало. Крутить новые было некогда, и сражение переходило в борьбу: победой считалось опрокинуть соперника навзничь, сесть на него сверху и, прижав руки поверженного, требовать от него, чтобы он молил о пощаде.

На этом игра заканчивалась: юная энергия была истрачена, мы успокаивались и одевались.

В игре были свои правила: «мечом» нельзя было бить по лицу, ушам, половым органам и по соскам груди, нельзя было заскакивать на диваны и кровати или прыгать на них, а также забегать на кухню. Всё остальное разрешалось. Эти

правила ввела бабушка.

Дело было так.

Как-то раз, она застала нас за этой игрой и попросила одеться. Мы возмутились: мы же были рыцарями! Когда мы объяснили бабушке суть игры, она, на минуту задумавшись, разрешила играть дальше, но ввела те самые правила. Ещё нельзя было сильно кричать и играть в эту игру вечером. А также, после игры мы должны были подмести всю квартиру, чтобы убрать разлетевшиеся клочки наших «мечей».

Вскоре у нас появилась ещё одна игра. Секретная. Мы не отваживались играть в неё, когда были не одни. Это была наша с Ленкой Тайна.

Игра называлась «пёрышко».

Как-то раз, мы были дома одни и лежали на диване голышом. Мы что-то фантазировали. Ленка лежала на животе, а я стал пальцем писать какие-то буквы на её спине. Она съёжилась и просила повторить ещё и ещё. Видя, что ей это нравится, я потребовал, чтобы она тоже мне писала на спине. Стало очень приятно, по телу побежали «мурашки». Мы щекотали друг друга снова и снова, уже грудь, руки и ноги. Мы млели и наслаждались прикосновениями друг к другу. После этого, мы обнялись, и даже ненадолго заснули.

Каким-то внутренним чутьём мы понимали, что в нашей жизни происходит что-то новое, неизведанное, немного пугающее и запретное. Поэтому взрослым об этом не рассказывали.

В другой раз, во время этой игры, мне пришла в голову идея щекотать утиным пером, пучок которых стоял у бабушки в вазе, на подоконнике.

Эти перья были дедушкиным трофеем, когда он привёз с охоты «дичь». Он не был охотником, и в доме не было ружья, – видимо, дедушку взяли на охоту его приятели. Этим трофеем первое время гордились, а потом про него забыли.

Щекотка пёрышком была намного приятнее. Открылись и новые места, которые было приятно щекотать: за ушами и между пальцами ног.

В «пёрышко» мы стали играть и с нашими новыми друзьями: Пеней и Вулькой.

У Пени был секрет: если его щекотать пёрышком, он, обычно, мягкий и лежащий на боку, вдруг выпрямлялся и становился длиннее, как когда я сильно хотел писать. Воротник, окружавший Пенину головку, сползал вниз, Пеня её высовывал и, казалось, что головка спрашивала:

– Что-что?! Что такое?!

Мы смеялись от души. А ещё, мне это было невероятно приятно, и хотелось, чтобы никогда не заканчивалось. Но больше ничего интересного не происходило, и Ленке это быстро надоело.

У Мышонка тоже был свой секрет: он был застенчивый. Обычно мягкий и свободно висящий между ног, он съёживался, подтягивал к себе свои «важные органы» и становился похожим на грецкий орех. Ленку это очень веселило. А

мне после этого становилось очень щекотно, и я просил прекратить.

Вульку мы исследовали, чтобы найти те «сокровища», о которых говорила бабушка. Ленка пыталась нагнуться и сама посмотреть, но у неё ничего не получалось и она начинала злиться, – и я рассказывал ей о своих наблюдениях. Вулька была похожа на пальто с расстёгнутыми полами, и внутри Вульки жила ещё Жилетка. Больше там ничего интересного не было, никаких «сокровищ» мы так и не нашли.

Когда я щекотал Вульку, Ленка смеялась и визжала. А я смеялся над тем, как она визжит...

Мы поиграли в эту игру несколько раз, а потом надоело.

Панихида

Бабушка умерла внезапно, когда мне мне шёл двенадцатый, а Ленке – тринадцатый год.

Я возвращался из школы и увидел, что из нашего двора выезжает «скорая помощь». Оказалось, что это бабушку увезли в больницу. Утром её не стало.

Описывать подробности я не буду... Мы чувствовали себя осиротевшими.

Панихиду устроили на территории института, в котором бабушка работала до выхода на пенсию. Незнакомые мне люди говорили слова «о большом научном вкладе», «плеяде воспитанных ею докторов и кандидатов наук» и так далее. Было ощущение, что все хотят побыстрее уйти.

Они подходили к нам, говорили какие-то слова, но в том возрасте я уже ощущал их фальшивость. Все явно чего-то ждали и были в напряжении. Из знакомых нам с Ленкой людей были только родственники и соседи.

Наконец, во двор больницы въехала чёрная «Чайка». Мы знали эту машину. Из неё вышел дядя Володя и быстрым шагом прошёл в зал. Он был в гражданском костюме, но товарища N всё равно узнали: мимо здания возглавляемого им учреждения люди старались пройти быстро и незаметно.

Он вошёл, поздоровался, подошёл к маме и тихо сказал:
– Прими, Галя, мои соболезнования... – он протянул ей

карточку и добавил: – Это прямой, если что, – не стесняйся, – в доску расшибусь, но помогу...

Он поцеловал нас с Ленкой и подошёл к гробу.

Видимо, он хотел сказать речь, но вместо этого смог выдать из себя один сиплый звук...

Постояв ещё минуту, он молча поклонился гробу, а потом повернулся и быстро, ни на кого не глядя, вышел из зала. Там он сел в машину и сразу уехал...

В зале повисла напряжённая тишина. На маму смотрели с нескрываемым страхом...

Потом в зал вошли равнодушные дядьки, как-то по-будничному накрыли гроб крышкой и с теми же выражениями лиц вынесли его из зала.

На этом всё и закончилось.

Обыск

На следующий день к нам домой пришли двое мужчин, в одинаковых костюмах и очень вежливые.

Они сказали слова соболезнования и добавили, что, в связи с кончиной, бабушка не успела вернуть в архив важный документ, и они пришли, чтобы его забрать. Мама не возражала.

Они с подчёркнутой аккуратностью брали каждую книгу из бабушкиной библиотеки, вертели её так и сяк, открывали ящики её стола и что-то искали. Они искали, но явно не знали что.

Нам было страшно.

Вдруг, мама сказала, что бабушка с неделю назад сожгла какую-то книгу. Мужчины очень обрадовались, извинились и ушли.

Мама позвонила дяде Володе, и он через час приехал.

– Сказали, что ищут? – спросил он.

– Что-то невразумительное...

– Взяли что-нибудь?

– Нет. Я им сказала, что мама что-то сожгла, но не знаю что.

– Хорошо. Как выглядели?

Мама описала.

– Понятно... Мерзавец! – сказал дядя Володя.

И добавил:

– Если придут ещё раз, звони сразу, при них, и говори громко, чтобы они слышали. Поняла?

– Да.

Он попрощался и уехал.

Мама сказала, чтобы мы не беспокоились, но на расспросы не отвечала.

Больше к нам никто не приезжал.

Профессор

Когда мы были маленькие, мы часто слышали, что бабушка работает «в банке с пауками». Мы с Ленкой как-то попросили показать нам паука. Но бабушка рассердилась и сказала, чтобы мы не подслушивали взрослые разговоры.

Карьера у бабушки «не клеилась». Ей удалось защитить кандидатскую, но на этом всё и закончилось. У неё была самая низкая научная должность, которую только смогли найти для человека с кандидатской степенью.

При этом, её часто приглашали для консультации и на консилиумы по сложным случаям, к очень «ответственным лицам».

Однажды, её вызвали в столицу, – лечить отпрыска Важной Персоны, – и она провела там две недели.

Её рекомендовали как доктора медицинских наук и профессора, – не может же любимое дитя столь важной персоны лечить рядовой врач.

Бабушке, как она рассказала маме, удалось стабилизировать состояние пациента: пациент был «очень тяжёлый, на грани». Важная Персона пожелал лично встретиться «с Товарищем профессором». А этого как раз никто и не ожидал.

В беседе выяснилось, что бабушка никакой не профессор, и даже не доктор наук. Важная Персона рассердился и сразу, прямо при ней, вызвал к себе других Товарищей. Когда

Товарищи пришли, он сказал:

– Нехорошо получается, Товарищи! Вот заслуженный врач, видный учёный, внёсший неоценимый вклад в советскую науку и воспитавший целую плеяду кандидатов и докторов наук, а вот до сих пор он не только не член-корреспондент, но даже не профессор.

– Да, да, несправедливо, это упущение, – закивали приглашённые Товарищи.

– Есть мнение, что это надо поправить. И орден дать...

Через неделю в бабушкином институте чествовали свежеспечённого доктора медицинских наук «по совокупности научных трудов», орденосца и профессора.

Ещё через неделю провожали на пенсию одного из бабушкиных «пауков», – членом-корреспондентом ему стать так и не довелось...

Бабушка тоже почти сразу ушла на пенсию. На профессорскую пенсию.

Её ещё иногда приглашали в институт на консилиумы и консультации «по сложным случаям», и она никогда не отказывала.

Но чаще этого, она вела частный приём. Это называлось «по-частному».

И у неё, наконец, появилось свободное время, чтобы заниматься любимым делом.

И нами с Ленкой.

Первая Роза

Несмотря ни на что, жизнь продолжалась.

Помню, как примерно за год до смерти, бабушка сидела за столом и что-то писала. Я жил в бабушкиной комнате, – там же были все мои вещи и секретер, на откинутой крышке которого я делал уроки.

Наконец, она повернулась ко мне на стуле и сказала, чтобы я позвал маму и Ленку: Ленка тогда жила в маминой комнате.

Когда они пришли, бабушка сказала:

– Славик, выйди! У нас будет женский разговор!

Я обиделся, но вышел.

Через некоторое время мама и Ленка вышли и пошли к себе. Ленка несла в руках большой конверт из грубой бумаги.

Я задержал её и спросил, что это такое. Ленка в ответ пожала плечами и показала конверт. Он был заклеен, и на нём была надпись, сделанная бабушкиной рукой:

«Лене. Вскрыть к Первой Розе»...

После смерти бабушки Ленка сильно изменилась. Иногда она становилась какой-то чужой и раздражительной, на всё злилась и шипела на меня, как кошка. И, кажется, у неё от меня появились секреты. На мои расспросы она отвечала

как-то очень по-девчачьи:

– Дура-а-а-к!

Меня это очень злило, и я чувствовал, что между нами растёт невидимая стена. Я страдал. От растерянности и обиды я иногда ночами плакал. Что-то явно происходило, – мы менялись, и будущее меня сильно пугало...

Правда, у меня тоже стали появляться свои секреты, которые я вначале порывался открыть Ленке, но под разными предлогами откладывал и откладывал...

Иногда я даже злорадствовал про себя:

– Сама от меня секретничаешь, не буду я тебе ничего рассказывать!

Потом от этого злорадства мне становилось стыдно, и я давал себе слово, «прямо-прямо вот завтра» всё ей рассказать. Но опять не рассказывал, и от этого страдал ещё больше и продолжал мучиться.

Мы с Ленкой уже давно жили вместе, в бабушкиной комнате, – она переехала туда почти сразу после бабушкиной смерти, – и она спала на её кровати, за ширмой. Уроки она делала за бабушкиным столом.

Однажды, проснувшись утром, когда Ленка была ещё за ширмой, я вдруг услышал, что она громко разрыдалась. Обеспокоенный, я подошёл к ширме и постучался...

Когда ещё была жива бабушка, и она была за ширмой, чтобы к ней войти, нужно было постучаться. Ленка, переехав

в бабушкину комнату, оставила этот порядок неизменным. Мне это было привычно и не обидно, тем более, что это было просто вежливой традицией: после стука можно было сразу входить.

Итак, постучавшись, я сделал движение, чтобы войти. Ленка сидела на кровати, держала в руке какое-то письмо и рыдала... Увидев меня, она замахала руками, и я попятился. Я ходил кругами и не знал, что и делать. Потом она, немного успокоившись, не выходя из-за ширмы, сказала:

– Славик, не волнуйся! Всё хорошо... Это я так, по девичьи...

Я немного успокоился и ушёл умываться...

После завтрака я увидел, что на её столе – бывшем бабушкином столе, – лежит тот самый конверт, про «Первую Розу». Он был вскрыт.

Ленка опять была за ширмой. Я подошёл, постучался, и попытался было войти. Я успел заметить, что она читает какую-то книгу. Увидев меня, она показала свой огромный кулак и злобно на меня зыркнула. В такие минуты я её боялся. Я оставил её в покое и обиделся...

В школу она в этот день не пошла – просто сказала, что не пойдёт и всё тут...

Вернувшись из школы и проигрывая в уме предстоящий непростой разговор, я застал Ленку сидящей на диване. Она была расслабленная, спокойная, смотрела на меня и улыбалась. Ссориться с ней мне сразу расхотелось.

Я снял школьную форму и стал вешать её в шкаф. Внезапно, Ленка обняла меня сзади и, наклонив голову, поцеловала в щёку:

– Не злись на меня, Славик! Прости меня, мой хороший! – сказала она и поцеловала ещё раз.

От сердца отлегло, да и не могло быть по-другому... На мгновение мне даже показалось, что это был бабушкин голос.

– У девочек могут быть секреты от ма-а-льчиков! – хитро прищурившись, продолжала она, растягивая слова и разворачивая меня к себе, – А у мальчиков – от де-е-вочек!

– Мы же...

– Брат и сестра-а! Но прежде всего, ма-а-льчик и де-е-вочка!

– Мальчик и девочка... – повторил я.

И такой ранее мне неведомой теплотой повеяло от неё... Она была такая милая и ласковая, нежная и какая-то ... и было что-то ещё, совершенно новое для меня.

Внезапно я обнаружил, что в старшем брате уже давно не нуждаюсь. Он навсегда остался там, – в детстве, во дворе. Как будто прозрев, я впервые видел перед собой не просто старшую сестру, а девушку: я долго цеплялся за детство и старался не замечать происходящих с нами перемен.

«Боже мой, какая же ты стала миленькая, сестрица моя золотая! – подумал я»...

Спустя некоторое время я спросил у неё, что это была за

книжка. Ленка спокойно ответила:

– Ты её считаешь... Потом. Тебе ещё рано...

Странно, но такой ответ меня устроил и успокоил.

А с этого дня, я наконец осознал, что имею право на личные секреты. А Ленка – на свои. И у нас у каждого собственное, личное тело... И личная жизнь. И меня это больше не пугало.

Детство кончилось. Стена рухнула...

Однажды, Ленка сидела за своим столом, полуодетая, в странных чёрных трусах, из-под которых торчала вата; от неё исходил новый непонятный запах. Меня так и подмывало расспросить её об этом, но я не решался.

Когда она встала, на фанерном сиденье венского стула я увидел пятна крови!

– Ленка! У тебя кровь! Кровь! – воскликнул я, показав пальцем на стул.

Я испугался. Но Ленка, на удивление спокойно ответила:

– Это у девочек иногда бывает. Просто я повзрослела.

И пошла за тряпкой...

Шло время.

Однажды ночью мне приснился странный сон. Он был невероятно приятный, странные образы кружили вокруг меня... Сладкая истома захватила меня; она несла меня всё дальше и дальше. Это чувство исходило от низа живота и

разливалось по всему телу, мне было невероятно приятно; чувство нарастало, пока наконец, не наступила его кульминация! Я проснулся. Истома прошла.

Мне показалось, что я немного описался, вылез из-под одеяла и со смущением стянул трусы. Это была не моча. В свете ночника я рассмотрел какую-то белёсую слизь, её было немного, но она намочила и испачкала трусы. Гной?! Я был в ужасе и был уверен, что это, наконец, пришла кара за мои грешные увлечения.

Дело в том, что у меня давно была собственная, личная Тайна.

Иногда, по утрам я просыпался с затвердевшим пенисом и сильно хотел в туалет. Но как-то случайно обнаружил, что если перевернуться на живот и слегка потереться о постель, становится невероятно приятно, особенно, если приспустить трусы. Это чувство мне было немного знакомо по нашей детской игре в «пёрышко», но было намного сильнее, ярче, и приятно разливалось по всему телу. Меня посещали какие-то неясные фантазии, которые всё больше и больше тревожили и распалили меня.

Потом я срывался, и, чтобы не описаться, как угорелый бежал в туалет.

После этого мне становилось стыдно: я был уверен, что занимаюсь чем-то непристойным, – и давал себе слово, что это было в последний раз. Но это повторялось снова и снова,

и я никак не мог остановиться, – наоборот, я обнаружил новый способ, который оказался намного лучше, и не требовал дожидаться до утра. Я занимался этим довольно часто, когда только мог остаться наедине с самим собой. И стыдился, стыдился, стыдился этого...

Я уже начинал верить, что заболел страшной болезнью: связанные с этой тайной органы мои, стали расти и меняться на глазах. Я уговаривал себя, что раз ничего не болит, то можно не беспокоиться, но иногда к горлу подкатывал предательский липкий комок ужаса, – я был уверен, что это из-за моего рукоблудия. И я не знал, что делать...

Наконец, решившись открыться, я разбудил Ленку.

– Что случилось? – спросила она спросонок.

– Лен, Лен... Со мной что-то произошло! У меня там гной! Там! – показывал я пальцем.

Я стоял перед ней в одной майке и в руках держал свои испачканные трусы. Ленка, моргая спросонок, с тревогой смотрела на меня. Потом она вскочила и за руку потащила меня к столу. Включив лампу, она направила её свет мне в промежность и присела, внимательно рассматривая её. Мне впервые вдруг стало стыдно. Потом она выпрямилась, отобрала у меня трусы и стала рассматривать пятна под лампой

Потом, расслабившись, она улыбнулась и вернула трусы.

– Ничего страшного. Это не гной. Ты просто вырос... Иди помойся, переодевайся и – спать. Завтра поговорим... Всё

хорошо, – не бойся.

Я, пока ещё не пришедший в себя, бездумно выполнил её распоряжения. Вернувшись из ванной, я застал Ленку крепко спящей.

А утром, проснувшись и засунув под подушку руку, я ощутил там твёрдый предмет. Это оказался тот самый конверт с «Первой розой».

Ленки в комнате уже не было. Из конверта я вытащил небольшую книгу – это была та самая книга, которую в тот памятный день за ширмой читала Ленка. Из конверта выскользнуло письмо. Письмо было написано бабушкиной рукой, и я начал читать его.

«Леночка, если ты читаешь это письмо, значит, время твоё пришло. А отмеренный мне срок жизни, увы, – истёк. Прости, что я не дожила до этого дня...»

Прочитав первые строки, я разрыдался во весь голос...

Дверь в комнату приоткрылась, и в неё заглянула Ленка. Увидев меня, она прикрыла дверь и оставила меня наедине с самим собой, – я был безмерно благодарен ей.

Немного успокоившись, я продолжил чтение.

«Прочти эту книгу. Ты поймёшь всё сама. И ещё. Прости меня, что я прошу тебя выполнить миссию, предначертанную отцу: будь повнимательнее со Славиком. Я боюсь, что маме он не откроется, а ему скоро понадобится помощь. Прочитав книгу, ты поймёшь, о чём я. Помогии ему. Когда придёт время, дай и ему почитать эту книгу. Любящая тебя,

бабушка»

Я опять немного всплакнул. И занялся книгой. Бегло взглянув на обложку, я увидел название книги, она была на немецком языке:

«Стыдных вопросов не бывает. Задай их мне».

Я начал быстро листать книгу. Листая её и мельком рассматривая иллюстрации, я понял: книга про ЭТО! Я задрожал, сгорая от нетерпения поскорее начать чтение. Спрятав книгу в секретер, я, наконец, вышел из комнаты.

Книга

Меня ждали, завтракать не садились. Завтракая, мы говорили о несущественном, о том-о-сём. Я сказался приболевшим, и что в школу сегодня не пойду. Мама, опустив глаза, сказала:

– Да, конечно, если тебе нездоровится.

А Ленка молчала, и пыталась скрыть улыбку... Я сидел, как на иголках и нетерпеливо ждал, когда же, наконец, они уйдут, и я приступлю к чтению.

Книга начиналась с обращения к юному читателю:

«Мой юный друг. Ты читаешь эту книгу, потому что у тебя появились вопросы, которые ты стесняешься задать своим родителям. Успокою тебя: стыдных вопросов просто не существует. Я отвечу тебе на них»...

Я читал дальше и вдруг, знакомые интонации послышались мне, показалось, что я не читаю, а слышу до боли знакомый голос, читающий нам с Ленкой Библию. «Бабушка?!» – пронеслось у меня в голове.

Захлопнув книгу, я внимательнее посмотрел на обложку. Да, эта книга была написана бабушкой! Меня это одновременно и обрадовало, и вызвало лёгкую грусть. Книга была издана за рубежом, что меня несколько озадачило.

Справившись с волнением, я продолжил чтение. Бабуш-

кин голос я уже не слышал. Я читал и читал, возвращался к прочитанному, и опять продолжал читать. Прочитанное, то вызывало дрожь, то бурную радость, сердце то бешено колотилось, то замирало, меня как будто подбрасывали и бросали на землю, и снова подбрасывали...

К середине дня почти вся книга была прочитана, проглочена мною. Я сидел и осмысливал прочитанное, возвращался к некоторым главам и вновь, и вновь их перечитывал.

Я будто прозрел! Я не один такой! Не один! Я здоров! Я не первый и не последний! Мои фантазии о неизлечимости болезни, поразившей меня, – всё, всё оказалось пустым! Оказалось, что я просто повзрослел. Я был счастлив! Спасибо, тебе, бабушка, родная! Спасибо тебе, Ленка, Леночка, сестрица моя милая, что ты вовремя помогла мне!

Книга была небольшая и состояла из нескольких глав. После вводной части, описывающей мужское и женское тело, шло повествование об интимных сторонах человеческой жизни.

Книга была написана без утайки, подробно, и немного суховатым научным языком. В то же время, в ней было и что-то богословское: это не удивительно, – бабушка была светским учёным но, одновременно с этим, верующим человеком; наука и вера легко уживались в ней и не противоречили друг другу.

Читая главу про тело женщины, я улыбался: я вспоминал, как мы с Ленкой искали «сокровища», но так и не нашли их.

«Какие же мы были глупые!» – смеялся про себя я.

Казалось, Пеня и Вулька оттуда, – из детства, – улыбались мне и махали ручками, прощаясь со мной навсегда... И мне было невероятно хорошо на душе.

Дальше шли главы, в которых вымышленный мальчик расспрашивает отца, а потом такая же вымышленная девочка – маму. Вопросы были о том, что уже давно вполголоса, озираясь и боясь, что их «застукают», тайком обсуждают мои приятели.

Там был эпизод, в котором мама с девочкой обсуждают женский цикл. Мама рассказывает подробно, называя всё своими именами. Дальше по сюжету, девочка немного пугается и интересуется, не больно ли и не опасно ли это. Мама её успокаивает и сравнивает женские органы с кустом розы: «вот, представь себе, бутон расцветает, цветёт, а потом отцветает, и его лепестки опадают. Розе тоже не больно, – это естественный природный цикл, как смена дня и ночи. А потом расцветает новый бутон. Всё повторяется снова и снова. Не надо жалеть об этих лепестках».

«Теперь понятно...», – с улыбкой подумал я, вспомнив надпись на конверте.

Один эпизод вызвал у меня особое волнение: там отец с мальчиком, обсуждая ту мою «смертельную болезнь», объясняет, что именно со мною произошло сегодня ночью и то, чем я занимался до этого. Отец всё это рассказывает мальчику также подробно, как и мама – девочке: почему это про-

исходит, о естественных потребностях юного тела, о гигиене, которую мальчик должен научиться соблюдать. Потом он шутливо сравнивает бурю в душе подростка с раскалённым паровым котлом, и что для «сброса пара» предусмотрен природный «аварийный клапан». Но мальчики обычно предпочитают «открывать его вручную».

Главу, которую бабушка рекомендовала прочитать родителям, я вначале пропустил. Взяв книгу опять, я решил дочитать её до конца.

Там молодым родителям давались рекомендации, как строить отношения со своими детьми, чтобы они доверяли родителям, в каком возрасте у детей обычно просыпается интерес к собственному телу, как с ними лучше говорить об этом, и про многое, многое другое. Было много про интимную гигиену и другие вещи, которые мне были не особо интересны.

Был и раздел про «не таких». Медицинские термины, которыми описывалось это явление, я знал и раньше, в сильно искажённом виде, – до этого я считал, что это просто «грязные» ругательства. Я заинтересовался и, продолжая удивляться, читал дальше, – для меня это было полной неожиданностью. Таких людей оказалось довольно много, – были разные оценки, но большинство специалистов соглашались с цифрой десять-тридцать человек на тысячу. Вдруг, что-то кольнуло меня: «Ленка?!»

И начал перечитывать более внимательно. Там родителям

давался совет, как деликатно познакомить ребёнка с этой темой. И что в подростковом возрасте некоторые дети долго ищут себя, и не могут определиться, кем они на самом деле являются. И если, в конце концов, вдруг окажется, что ребёнок «не такой», ни в коем случае не рекомендовалось пытаться его переделать или лечить, – нужно принять его таким, какой он есть. И постараться помочь ему тоже принять это, – и научиться с этим жить.

«Кто мы такие, чтобы спорить с Ним», – вспомнил я бабушкины слова, когда Ленка решила стать мальчиком.

Принудительное лечение таких людей, практикуемое в некоторых странах, бабушка вообще считала преступлением. Здесь в сносках давались ссылки на её работы, опубликованные в научных журналах.

Размышляя дальше про Ленку, я пришёл к выводу, что это – не про неё: тогда ей было всего семь лет. Скорее всего, предпочитая мальчишескую компанию, ей действительно просто хотелось выглядеть, как мальчик, – так она могла полнее ощущать свою сопричастность к ней. От души отлегло...

Читая дальше, скорее по инерции, чем из интереса, я дошёл до советов, как научить ребёнка распознать педофила, и как научить его оказывать сопротивление, если это потребуются. Вначале я не понял, о чём это, но начав читать, оторопел: Дядя Боря?! Комок подкатил к моему горлу, сердце бешено заколотилось, – я вдруг вспомнил всё, всё, в мельчайших

подробностях!.. Что он хотел со мной сделать?! Мысленно, я ругал его самыми грязными словами, которые только знал, но никак не мог подобрать те слова, которые бы по-настоящему выразили мою ненависть к нему!

Успокоившись, я перечитывал снова и снова. Я вспомнил то сильное волнение, которое я испытывал, когда укусил его, – в тот момент я чувствовал себя волком и готов был загрызть его насмерть. Это вкус его крови запомнился мне, и чудился много позже, в том конфликте во дворе, со Стасом.

Мысленно наслаждаясь видом прокушенного дяди Бориного плеча, «отварного дружка» и «пениса под ампутацию», я злорадствовал. Теперь я понимал смысл всех шуток, которыми обменивались в тот вечер мама и бабушка.

Когда Ленка вернулась, я встретил её с бурной радостью. Я сгрёб её в охапку, немного приподнял и попытался кружить вокруг себя. Мы чуть не упали, но радость переполняла меня, и я продолжал держать её в своих объятиях! Я обнимал и целовал мою любимую, мудрую и добрую сестру!

– Славка, отпусти меня, задушишь, ты с ума сошёл! – приторно отбиваясь от меня, смеялась Ленка.

– Ленка! Ленка! Ленка! – только повторял я.

Я впервые испытывал такой букет чувств – в эти секунды я ощущал себя мужчиной!

Когда чувства схлынули, и я отпустил её, она спросила.

– Всё хорошо?

– Лучше не бывает! – ответил я.

Мы заговорили о книге. Нет, содержимое мы не обсуждали, – «у мальчиков могут быть секреты от девочек, а у девочек – от мальчиков». Я поинтересовался, не знает ли она, почему книга издана на немецком языке, да ещё за рубежом?

Ленка ответила просто:

– Я спрашивала маму об этом: книгу просто не публиковали. Никто не отказывал, и многие одобряли, но всегда находилась причина отложить публикацию.

В стране, строящей коммунизм, детей, – пионеров и комсомольцев, – не могли интересоваться такие «похабные» вопросы.

С приводимыми бабушкой научными данными и её выводами соглашались, – она выступала с докладами. Ей кивали, написали положительную рецензию, книгу рекомендовали к изданию, но ... не издавали.

Поэтому, бабушка перевела свою книгу на немецкий язык и через Лютеранскую общину нашла способ опубликовать её «на западе». От гонорара она отказалась и передала его в адвокатскую контору, которая обязалась обеспечить публикацию русской версии в нашей стране, «как только появится возможность».

Апулей

Жизнь продолжалась. Я менялся, и со мной происходили чудесные вещи. Я делал для себя открытия и ощущал жизнь как-то по-новому.

И, если бы не та бабушкина книга, и не внимательность моей заботливой Ленки, я бы, скорее всего, посчитал, что схожу с ума: временами я как будто терял разум.

Внезапно, все чувства вдруг обострились, казалось, что даже солнце начинало светить ярче! Всё, всё вокруг, становилось эротичным: эротично пели птицы, ветер эротично шевелил волосы, все девчонки и мальчишки мне казались привлекательными, душа моя пела и в ней была буря!

А иногда, озорной кураж овладевал мною: мне хотелось быть дерзким и независимым, и я, порой, с трудом сдерживался, чтобы не нахамить кому-нибудь.

А то, нападало мрачное настроение: хотелось забиться куда-нибудь, и плакать, плакать...

Однажды, проходя мимо дорожных работ, я увидел, как насос, откачивая воду, хлюпал и из толстого шланга толчками выбрасывал воду на мостовую. Я остановился, и как последний дурак, заворожённо смотрел на этот шланг: сильное возбуждение овладело мною и я смотрел и смотрел... Возбуждение нарастало и вскоре мощно разрядилось, испачкав трусы, – хотя я и не прикасался к своему телу даже пальцем.

Мне не было стыдно, – я просто рассмеялся.

Я точно знал ЧТО, со мной происходит, – я читал об этом. Но я никак не ожидал, что со мною это будет происходить именно ТАК. Рукоблудие «сбрасывало пар» и спасало мой разум, но ненадолго: всё повторялось снова и снова...

Неожиданно для себя, я начал запоем читать романы «про любовь», – я что-то искал, сам не зная что. Перечитывая известный роман в стихах о несчастной любви Татьяны и Евгения, я вдруг ощутил музыку этого стиха: я вернулся к началу и стал перечитывать его медленно, буквально прислушиваясь к каждому слову и получая от этого невероятное наслаждение, – таким и было одно из моих первых открытий. С некоторой жалостью и, даже, наверное, с нежностью, я думал потом:

«Глупая ты, Танька, всё-таки, – сфантазировала себе кого-то, а потом влюбилась в него...».

Но... всё это было не то, что я искал.

Роясь в бабушкиной библиотеке, я искал что-нибудь, сам не знаю что. Мне попалась книга: «Апулей. Метаморфозы».

«Апулей... Апулей... Что-то знакомое...», – думал я. – «А! Вспомнил! Точно: "Читал охотно Апулея, а Цицерона не читал"».

Открыв книгу, я погрузился в чтение. Книга порождала противоречивые чувства: там были описаны похождения одного шалопаю, нечестивого и похотливого. Он искал плот-

ских приключений, и его, по ошибке, превратили в осла. Дальше повествование продолжалось от его имени, но уже в образе осла. Книга была пронизана эротикой и намёками на «грязные» отношения; герои совершали такие поступки, что мне за них становилось стыдно. Порою, возникало чувство омерзения, и я порывался бросить чтение, но всякий раз решал дочитать главу до конца, и продолжал, не в силах остановиться...

Я читал вечером и продолжил утром. Опомнившись, что могу опоздать в школу, я понёсся, прихватив книгу с собой, чтобы дочитать её на переменах. Учился я неплохо и был на хорошем счету, – в школу опаздывать не хотелось. Первым уроком была История. Не в силах дожидаться перемены, я открыл книгу и, спрятав её под партой и поминутно озираясь, тайком читал.

Видимо, я потерял бдительность, когда вдруг, прямо над моим ухом, меня по фамилии окликнула Наталия Петровна:

– ...! Так! Ну, и чем ты тут у нас занимаешься?!

«Попался...» – подумал я и ощутил холодок между лопатками.

Непроизвольно, я попытался спрятать книгу поглубже под парту.

– Дай сюда! Что это за книга?!

– Апулей...

– Что?

– Апулей, «Метаморфозы», – признался я, опуская глаза.

Все в классе обернулись и наблюдали за моим позором. Я почувствовал, что краска заливает моё лицо, а уши, казалось, горели. Мне казалось, что все показывают на меня пальцем, а девчонки шепчутся:

«Похабник! Похабник!»

Наталия Петровна взяла книгу и начала как-то растерянно крутить её в руках... И тут меня осенило: я был спасён!

– Она что что, – на латыни?..

– Да, – просто ответил я. Книга, действительно была на латыни. Для нашей семьи в этом не было ничего особенного: в бабушкиной библиотеке таких книг много...

– Ты читаешь на латыни?

– Ну... да...

Весёлый кураж овладел мною: мне хотелось дерзко посмотреть ей в лицо, засмеяться и воскликнуть:

«Что, поймала меня?! Съела?!»

– Так! Встань и расскажи всему классу о том, что прочитал!

«Надо что-то врать», – подумал я. Но решил сказать правду, хотя и не всю... Я встал и начал:

– Ну... там... один глупый мальчишка искал приключений, его за это превратили в осла, а дальше описаны его злоключения...

– Пиноккио? – спросила Наталия Петровна.

– Пиноккио! – радостно ухватился я за эту соломинку.

В классе стало весело, – слышался смех моих одно-

классников. Но мне было не до смеха, – я опасался, не отобрала бы она книгу. Этого, к счастью, не произошло. Возвращая книгу, Наталия Петровна строго сказала:

– Сказки будешь читать дома! А здесь – урок! Я ясно выражаюсь? Где твой учебник?!

И добавила:

– Ты видел, что книга антикварная? Зачем ты её притащил в школу? Родители знают? Ещё раз увижу, – вызову их в школу!

Всё закончилось благополучно, даже в дневник ничего не записала. Но книжки в школу я больше не брал...

Потом был «Сад наслаждений» шейха Нафзави. Книжка тоже была антикварной, – один из ранних переводов с арабского. Читалась она трудно, – мало того, что она была на английском, – а я его тогда знал слабовато, – да ещё там было полно слов, которые мы не проходили, и их не было, ни в обычном школьном, ни в другом словаре, – «для взрослых». О смысле многих слов приходилось догадываться. Но моё упорство было вознаграждено: книга была кладезем эротики, переданной, где загадочными намёками, а где и абсолютно откровенно; так что я, читая её, постоянно находился в «приподнятом» настроении.

Это не была порнография. Порнографические рассказы я читал раньше, – приятели приносили их в школу и переписывали друг у друга. Но, порнография никогда не была сюжетно интересной, такие рассказы только вызывали у ме-

ня то же самое, что тот насос, ну... вы поняли. Потом наступало опустошение, болел низ живота, и появлялась какая-то брезгливость и омерзение, как однажды, когда я позорно «вляпался» на грязном унитазе в школьном туалете...

Читая некое произведение, я сделал для себя ещё одно открытие.

Там мне попалось повествование, где герой тайком подглядывает за возлюбленной, которую в спальне раздевает служанка. По мере того, как одежды оставалось всё меньше и меньше, герой описывает своё нарастающее возбуждение. Такое же возбуждение испытывал и я. Описание острого соска её груди, рельефно проявляющегося через тонкую шёлковую ткань, буквально «завело» меня. Далее, когда последний покров упал на пол, дама его сердца осталась полностью обнажённой. Я мысленно рассматривал её, и вдруг, моё возбуждение пропало. Совсем. Я был сильно удивлён! Не помню, что там дальше было с героем, – читать я, кажется, перестал. Но я понял одну странную вещь: нагота меня совсем не возбуждает. Я продолжал мысленно осматривать её, просто любясь сфантазированными мною «формами». Я думал, что такой эффект касается только Ленки, но это само собой, она же сестра...

И начинал догадываться, почему на порнографических открытках, которые приносили в школу мои приятели, изображённые на них «дамы» чаще всего были полуодеты: для достижения ожидаемого эффекта, нужна некоторая загадоч-

ность, недосказанность, – всё остальное «доделает» фантазия обольщаемого. И я стал лучше понимать суть некоторых оперетт, и вообще, флирта.

Я неслучайно упомянул слово «дама» в кавычках: «дамой» называла женщин бабушка, когда те ей были неприятны, и она хотела, как говорится, «держаться дистанцию». Нейтрально, она обращалась к людям старомодно – «сударыня» или «сударь». А к пациентам – «голубушка» или «голубчик», независимо от возраста.

Мы с Ленкой иногда обсуждали происходящие с нами перемены. Не всё, конечно, – «у мальчиков могут быть секреты от девочек, а у девочек – от мальчиков».

Я ей рассказывал ту историю, про «Апулея» и Пиноккио, и даже про насос, и мы весело хохотали, а Ленка сказала:

– Я не знала, что у мальчиков это происходит именно так!

– Сам не знал! – весело отвечал я.

«Метаморфозы» она не читала, да и вряд ли бы её эта книга заинтересовала: как оказалось, «Сад наслаждений» она уже прочла, и при обсуждении выяснилось, что те сюжеты, которые больше понравились мне, она пропустила, посчитав их неинтересными для себя или просто непристойными. И наоборот: то, что понравилось ей, я прочитал бегло, без особого интереса.

Для меня это стало очередным открытием: одно и то же явление женщины и мужчины могут воспринимать абсолют-

но по-разному, и что «противоположный пол» – это про мозги, а не про тело.

Понимание этого простого факта мне помогло впоследствии, в семейных отношениях.

Знала ли мама об этих переменах со мной? Безусловно, – как врач акушер-гинеколог она не могла этого не знать. Но у нас с ней никогда не было того уровня доверительных отношений, чтобы что-то обсуждать. Однако с Ленкой, они, безусловно, секретничали: я раньше только догадывался, но уже точно знал об этом после истории с салфеткой.

Иногда перед сном я сильно пыхтел, занимаясь «вечерней зарядкой». Иногда пыхтела и Ленка, – скрыть это друг от друга было невозможно, и мы оба понимали, чем могут заниматься подростки в этом возрасте. Но это были те самые секреты от девочек и мальчиков.

Чтобы «замести следы» своей деятельности, я пользовался махровой салфеткой, которую тайком от всех стирал и вешал сушиться в потайное место. Однажды, в секретере я «случайно» обнаружил два пакета – в одном лежали бумажные салфетки, а в другом – пачка с презервативами. Намёк я сразу понял и задумался:

«Ленка? Вряд ли, – она же девочка, – вряд ли это бы пришло ей в голову. Да и не смог бы я себе представить Ленку в аптеке, покупающей столь деликатный товар. Мама, мама, она и только она!»

Я стал понимать, что именно бабушка в той адресованной Ленке записке, выпавшей из конверта про Первую Розу, имела в виду под «внимательностью ко мне» и «выполнении миссии, предначертанной отцу»: она имела в виду не только книгу. Та записка, скорее всего, попала ко мне по Ленкиной оплошности.

Кто бы это ни был, я был благодарен им за столь деликатное решение моей личной гигиенической проблемы: сии предметы я постепенно расходовал, и чья-то невидимая рука регулярно пополняла их запасы. Это никогда не обсуждалось, и никогда не было никаких намёков. Я был благодарен бабушке за её советы, я был благодарен Ленке и маме, за то, что они тогда помогли мне в трудную минуту, и продолжают столь деликатно помогать мне и сейчас.

Жизнь шла своей чередой.

«Душа ждала ... кого-нибудь»

И я влюбился.

Эдик

И влюбился я «неправильной» любовью: предметом моих воздыханий стал юноша.

Звали его на английский манер, Эдвард, – он именно так и представился, появившись в нашем классе в начале четвёртой четверти, когда уже было тепло, светило солнце и было не до учёбы. Над ним немного посмеялись, и он стал просто Эдиком.

Он родился и вырос в другой стране, что на острове, – отец его длительное время работал в каком-то представительстве. Сейчас они временно жили у бабушки, – его отец ждал нового назначения, а в школу его отдали, «чтобы не болтался по улице».

Он был симпатичным блондином, явно ухаживал за собой и, что вполне естественно, был во всём «заграничном»: он был здесь ненадолго и ему разрешили ходить не в школьной форме. Он был приветлив, строен, подтянут и спортивен, – дома, там, на острове, он играл в теннис. В то время у нас это было экзотической игрой.

Девичья половина класса «втрескалась» в него почти сразу, – это было трудно не заметить. Однако, он избегал дружбы с ними и больше общался с ребятами. Они, не скрывая, использовали его: он обещал помочь с заграничными шмотками и пластинками.

Всех несколько раздражала его манера говорить: про отца он говорил папаА, – с ударением на последний слог, любил вычурность и вообще иногда говорил, как бабка из института благородных девиц. Его вначале хотели немного поколотить, чтобы не «выпендривался», – это было ещё до обещаний помочь с импортом. Но когда он объяснил, что его основной родной язык – английский, а по-русски он говорил только с престарелой гувернанткой, его оставили в покое. Про гувернантку он, конечно, наврал, – какие ещё могут быть гувернантки, – и ему никто не поверил, но перспектива кое-что от него поиметь перевесила. Решили, что он просто хочет выглядеть «оригиналом», – да и фиг с ним.

Некоторое время спустя, я начал ловить на себе его взгляды, а если мы встречались глазами, он смущённо переводил взгляд или опускал глаза. Мне такой интерес к моей особе с чьей-либо стороны был в новинку. Позже выяснилось, что он хочет подтянуть немецкий язык, а ему кто-то сказал, что он у меня – родной. И правда, через некоторое время он обратился ко мне с просьбой немного позаниматься с ним, не словами, и не грамматикой, – а диалогами. Я согласился, и мы договорились «как-нибудь» встретится. При ответном условии – аналогичным образом позаниматься со мной английским, – сам язык мы учили в школе, а возможность поговорить с «носителем» выпадала не каждый день. Решили, что я буду говорить по-английски, а он – отвечать по-немецки. И наоборот. И исправлять ошибки друг друга. Вроде, всё стало

ясно. И в школе мы стали общаться почти каждый день.

Он мне постепенно начал нравиться; мы болтали о-том-о-сём по-немецки и по-английски. А потом, когда он узнал, что моя бабушка была профессором, а мы с сестрой ещё и свободно владеем латынью, он явно был польщён знакомством со мной. Не скрою, это мне тоже льстило. В разговоре со мной, он становился проще, – эта вычурность у него куда-то пропадала, – и меня это очень устраивало.

Однажды, был дождь, и урок физкультуры был в зале. Играли в баскетбол, – мальчишек разделили на три команды. Девчонок увели на гимнастику. Играли пара команд, в одной из которых играл Эдик. Их команда, чтобы было видно, кто за кого, играла без маек, другая – в майках. На уроке, при судействе, это обычно называлось «голые» и «майки». Команда, в которой был я, сидела на скамейке и ждала своей очереди: играть с победителем.

Как и бывает в игре, все бегали, прыгали, давали пас. В общем, ничего необычного. Я смотрел на Эдика и вдруг почувствовал, что люблюсь им. Он в ответ, часто бросал на меня, как мне показалось, заговорщические взгляды, будто у нас с ним есть какая-то общая тайна. Он был одет в короткие и, видимо, очень тонкие, белые шёлковые трусы и на ногах были белые теннисные ботинки. Я впервые видел его полубнажённым. Он был красив как Аполлон! Мне показалось, что под этими тонкими трусами ничего нет: рельеф его тела сзади и спереди явно выдавал голое тело. Это на уроках

физкультуры не разрешалось, – под трусы требовали надевать плавки, чтобы «кое-что» было подтянуто к телу, – но, видимо, Василий Степанович на этот раз нарушения просто не заметил. Я пригляделся, – так и есть: скрытые спереди части его тела были явно свободны.

Вдруг я заметил, что плоть его поднялась и окрепла! Он был совсем рядом, стоял ко мне боком, и я не мог этого не заметить. Видимо, чтобы скрыть это, он немного нагнулся, повернулся задом и случайно прикоснулся к моему лицу ягодицами. Это длилось буквально пару секунд, не больше, после чего он отошёл немного в сторону. Во мне всё как будто взорвалось, – я опять почти потерял рассудок, – очень сильно возбудился и почти сразу разрядился. Я был в шоке! Чтобы скрыть свой позор, я сделал вид, что у меня прихватило живот, согнулся в три погибели и, прикрываясь руками, пошёл к выходу.

– Живот? – спросил Василий Степанович.

– Ага... – ответил я.

– Проводить?

– Нет, сам дойду...

Также согнувшись, я добрался до двери. Как только дверь за мной захлопнулась, выпрямившись, я с облегчением увидел, что предательские пятна на моих трусах почти незаметны.

«Слава Богу, я в плавках!» – подумал я и бегом понёсся в туалет.

«Лишь бы там никого не было! Лишь бы там никого не было!» – молил я на бегу...

Благополучно добравшись до туалета, я с облегчением увидел, что он свободен, – техничка уже ушла, а учеников ещё не было. Озираясь, я снял правки из-под трусов, намочил и протёрся ими.

«Фу! Пронесло!»

Когда я вернулся в зал, Василий Степанович спросил:

– Как самочувствие?

– Намного лучше, – сказал я, но на всякий случай сделал страдальческое лицо.

– В медкабинет проводить?

– Нет, я лучше домой...

– Бывает... – сказал Василий Степанович и бросил мне ключи от раздевалки.

Кто-то вдогонку мне весело крикнул:

– С облегчением!

До окончания урока я успел одеться и уйти, никто ничего не заметил.

С этого дня, Эдик стал являться мне в моих грёзах: снова и снова я представлял себе его улыбку, его вздыбленную плоть под белыми трусами, и он касался моего лица своими ягодицами... Я совсем потерял покой.

И у меня появился новый страх: а вдруг я «тот самый», – «не Такой»!

Это продолжалось пару недель. В школе Эдик явно искал повод прикоснуться ко мне. Его прикосновения вызывали у меня лёгкую дрожь и опять будили фантазии...

Наконец, мы назначили день, и он пришёл к нам домой. Я был один. Было тёплое майское воскресенье. Он был с ракеткой, во всём белом: в теннисных трусах, гольфах и теннисных ботинках, в тонкой майке, а на руке висела белая курточка с чёрными полосками на рукавах. Увидев его, я судорожно сглотнул...

Он извинился за свой неподходящий вид, и объяснил, что они с папА утром играли в теннис на даче у отцовского приятеля, немного увлеклись, и, чтобы ему не опоздать, водитель этого приятеля привёз его на служебной машине, – заезжать домой, чтобы переодеться, уже не было времени.

И мы начали занятия. Сначала мы сидели за столом, взяв диалог из учебника, я произносил фразу, переводя её на английский, а он – на немецкий, в общем, как тогда договорились. На мгновение мне показалось, что он мог бы обойтись и без этих занятий: язык он явно знал лучше, чем пытался это показать. Меня это несколько удивило, но он всегда был странноватый, и я не придал этому значения.

Потом он предложил игру: мы встаём друг напротив друга, сначала я касаюсь, например, его носа, и он называет это по-немецки, а я проверяю, потом – уха, и так далее, а потом мы поменяемся. Меня давно манила красота его тела, – я затрепетал и с радостью согласился.

Началась игра. Я коснулся его лба, – он назвал его правильно, потом – уха, плеча... Когда я коснулся его груди, он как-то хитро улыбнулся, и перехватив мою руку, тихо спросил:

– А как по-немецки будет «пенис»?

С этими словами, он обхватил мою ладонь, потянул меня за руку и быстро сунул её себе в трусы. Я опешил!

И там... Там был «дружок», он был твёрдый и шевелился!

В это мгновение мой старый детский ужас овладел мной: «Дядя Боря»!

Я выдернул руку и ошалело отскочил от Эдика. Увидев моё смятение, он сказал, что неудачно пошутил, и быстро ушёл, хлопнув за собой дверь. Свою ракетку он забыл. Я его не провожал.

И я зарыдал. Зарыдал в голос...

А Эдик стал мне противен, и даже ненавистен... Я потом сидел и пытался понять, что такое со мною происходило... Как человек, он меня интересовал постольку-поскольку, кое в чём даже раздражал, – и я иногда с трудом сдерживался, чтобы не нагрубить ему. Но его тело... Его тело как будто околдовало меня...

Я достал ту книгу, – про стыдные вопросы, – и начал рыться в ней... Я знал, что искать, и, наконец, нашёл ту спасительную для меня фразу, о том, что иногда подростки долго ищут себя и не могут определиться, кем они являются. Я

перечитывал её, как молитву, снова и снова, «примеряя» её к себе. Ухватившись за эту фразу, как за спасательный круг, я немного успокоился...

А ночью меня опять стал преследовать дядя Боря. В моих кошмарах он мял меня, из его трусов змеёй вылезал «дружок» и грозил ужалить меня...

И я просыпался со слезами.

В понедельник Эдика школе не было. Я даже поначалу и не заметил его отсутствия, – для меня он как будто перестал существовать. После школы Эдик встретил меня у подъезда, – как мне показалось, он был заплакан, – и сказал, что пришёл попрощаться, а потом попросил разрешения забрать свои вещи. Я холодно поздоровался, но ракетку вынес. Он сунул мне в руку письмо...

Войдя в комнату, я бросил письмо на крышку секретера и на время забыл про него. Сев за уроки, я вспомнил про письмо и, поколебавшись, решил прочитать.

«Слава!» – было написано в письме.

«Прошу тебя, дочитай это письмо до конца, – для меня это очень важно! Я пришёл попрощаться и хочу извиниться за ту неудачную выходку! Поверь, я очень сожалею об этом и хочу объяснить».

Дело в том, что я не такой, как все другие парни, – моей страстью всегда были юноши. Один немолодой господин, – бывший папин сослуживец, – раскрыл мне глаза на мою при-

роду, и в этом я очень благодарен ему. Он был влюблён в меня, жаждал моей любви, и обещал, что если я стану его возлюбленным, осыпать меня деньгами, а потом устроить моё будущее и дипломатическую карьеру. Но я не любил его... Он стал преследовать меня, и когда его интерес ко мне стало сложно скрыть, чтобы дело не получило огласки, моего папа перевели в другое ведомство. Папа, наконец, дали новое назначение, даже с повышением, и мы на днях уезжаем в Африку, на самый юг.

Я хотел чистой и настоящей любви, пусть даже такая любовь для всех и кажется необычной, – но «мы» тоже люди. Когда я увидел тебя, я сразу влюбился. Я терзался сомнениями, но мне показалось, что ты отвечаешь мне взаимностью. Я был счастлив. В тот раз, когда ты приболел во время урока физкультуры, я парил в облаках, я как будто обрёл крылья, мне хотелось твоего внимания, я хотел нравиться тебе, и я уже был почти уверен, что это взаимно! Я рвался проводить тебя, но Василий Степанович никого не отпускал, и я очень переживал за твоё здоровье.

В тот день утром мы играли в теннис, и играть в него мне очень нравится. Но я не мог дождаться, когда же наступит встреча с тобой. От нетерпения, я даже не поехал переодеться, – я так долго ждал возможности побыть с тобой наедине! В той дурацкой игре, которую я затеял, я жаждал одного: мне хотелось твоих объятий, мне хотелось прижаться к тебе всем телом, грудь к груди, плоть к плоти, целовать и ласкать

тебя, – я просто сошёл с ума!

Пойми меня, я не злодей. Я не желал тебе зла, – я жаждал любви! Но я ошибся. Я просто ошибся! Я принимал твоё внимание ко мне за ответное чувство. Поверь мне и прости меня за это!

Прощай навсегда и не поминай лихом. Эдвард»

Я сидел и думал об Эдике:

«В общем, он неплохой парень, и действительно искренне приветлив и добр. А чтобы написать такое откровенное письмо, – надо ещё и обладать изрядной смелостью. Он просто не такой, как все»...

А ночью мне опять явился дядя Боря...

Я проснулся в слезах. Открыв глаза, я увидел, что у моей постели на коленях стоит Ленка. Она была напугана, и в её глазах стояли слёзы.

– Славик! Славик, родной мой! Что с тобой?! Ты стонешь и плачешь вторую ночь, – что с тобой происходит? Ответь, не рви мне душу!

– Всё нормально, Лен, всё нормально... – сказал я, пытаюсь взять себя в руки. Это не очень получалось.

– Маму позвать? – спросила Ленка: мама сегодня была дома.

– Нет... – попросил я.

– Что, что с тобой, скажи мне!..

– Дядя Боря... – ответил я, поколебавшись. – Он вернулся... –

Мы сидели на моей постели, плечом к плечу, накрывшись с головой одеялом и молчали... –

– Знаешь, – тихо сказала Ленка, – Дяди Бори давно нет, – его убили уголовники. Та малява была смертным приговором, который уголовный мир вынес ему сам. Мама просила тебе ничего не говорить... –

И она рассказала, что слышала тихий разговор между мамой и бабушкой. Это было спустя год-полтора после того случая. Бабушка говорила: –

– Славка опять ночью плакал... Расспросила его, – образы неясные, может, и что-то совсем другое. И, думаю, пока лучше не напоминать, – не стоит беречь ему душу, – ребёнок, возможно, справится сам. Сейчас лечение преждевременно и может только навредить ему. Ну, а если явно проявится, – тогда уже займусь и вырву этот гнилой зуб. –

И добавила: –

– Володька говорил мне, что Борьку сокамерники убили в первую же ночь, как только его перевели из лазарета в камеру. Они надругались над ним и избili его, а потом помочились на него и зарезали. Но в материалах следствия записана смерть от сепсиса... –

А потом Ленка внезапно спросила: –

– Твоих кошмаров не было уже много лет, – что-то опять

произошло?

И я рассказал ей всё. Про Эдика, про физкультуру, про игру, про «дружка» в трусах, про письмо... – вообще всё. И протянул ей письмо.

Пока Ленка читала, я со злорадством представлял себе дядю Борю, лежащего на тюремном полу в луже крови и мочи, избитого и изнасилованного, с прокушенным плечом и отрезанным пенисом, и с ножом в груди...

– А знаешь, Слав... – тихо сказала Ленка, прервав мои мысли, – Эдик, скорее всего неплохой парень. Ты прости его, – он просто несчастный человек.

И добавила:

– А что для тебя... Думаю, для тебя он был просто... Ну, примерно... как тот насос, помнишь?

И я расхохотался во весь голос! Я хохотал и не мог остановиться, из моих глаз брызнули слёзы, хохот сменился рыданиями, я икал и давился, и никак не мог успокоиться. Казалось, как будто какие-то бесы, отчаянно цепляясь и пытаюсь утащить с собой, покидают меня, или, может быть, я просто схожу с ума...

Испуганная Ленка побежала за мамой и столкнулась с ней в дверях. Мама принесла сердечные капли, – я узнал их по запаху, – и воды. К этому моменту я уже начал успокаиваться...

Потом мы сидели на на моей постели, уже втроём, тоже накрывшись одеялом, – и было невероятно спокойно на ду-

ше. Ленка рассказала маме только про дядю Борю: у нас с ней опять был общий секрет. По лицу мамы медленно текли слезинки, и она говорила мне:

– Славик, глупая я была, – прости меня, если сможешь, – надо было слушать маму... Сама себя я вряд ли когда-нибудь прощу... Не повторяйте моих ошибок со своими детьми...

Потом она говорила, что надо бы показаться врачу, и надо подумать, к кому лучше, что вот если бы была жива бабушка...

Я слушал, кивал головой, и мне было всё равно, – всё плыло, слова слышались откуда-то из тумана, лекарственный морок одолел меня, – я уже засыпал...

С того дня, дядя Боря исчез из моей жизни. Уже навсегда. Если я и вспоминал тот случай, он уже не вызывал никаких эмоций, – как будто всё это происходило не со мною. Врач не понадобился. «Гнилой зуб» выпал сам...

А пение птиц мне больше не казалось эротичным. Я совершенно успокоился и ... шагнул на следующую ступень своей жизни...

Платье

Неожиданно для меня, у нас с мамой установились доверительные отношения. Оказалось, она давно ждала этого, но не торопила события, – ждала пока я «созрею» сам. Я стал иногда советоваться с ней.

Мы теперь часто проводили вечера все вместе, – пили чай, или просто сидели и разговаривали, – была та же удивительная атмосфера, как тогда, когда мы сидели на моей постели втроём, накрывшись одеялом. Однажды, под настроение, я рассказал тот свой случай с насосом, – Ленка-то давно об этом знала, но мама слышала эту историю впервые, – и все смеялись от души. Насмеявшись, мама сказала:

– Не знала я, что у мальчиков это бывает так. Я же девочкой была. Вот был бы отец у вас...

Я стал романтичнее и мечтательнее: теперь меня интересовала тема любви, и я летними вечерами читал разные книги, – я хотел понять для себя, разобраться, что это такое, – любовь. Наконец, я вернулся и к романам «про любовь».

Во всех романах, любовь обычно была несчастна, герои страдали, и вокруг этих страданий строился весь сюжет. Романтичности добавляла разлука или другие непреодолимые препятствия.

Ромео и Джульетта, Петрарка и Лаура, Татьяна и Евге-

ний и многие, многие другие, – всё это были совершенно разные истории, но их объединяло одно, – любовные переживания героев, воспевание возлюбленных и невозможность быть вместе. В одних романах чувства были взаимными, в других – безответными, а в третьих, – герой влюблялся в придуманный им самим образ. Ни у одного романа не было счастливого конца.

«Скорее всего, это просто особенность жанра», – размышлял я. – «Но не могла же она возникнуть на пустом месте. Возможно, это просто особенность человеческой природы: потребность людей сопереживать героям и породила эти романы. Странная какая она, – эта любовь, – к чему все эти страдания?».

Перечитывал я и те книги, которые читал раньше. И каждый раз заново осознавал их.

Какими же пошлыми мне стали казаться истории, описанные в «Метаморфозах» у Апулея, и я удивлялся, как мне это вообще могло нравиться. Думаю, всему виной была та «буря», которая правила моей душой в течение нескольких месяцев. Правда тогда, в прошлом году, я не дочитал эту книгу до конца, – там герой снова возвращается к человеческому облику, а потом сильно меняется и даже становится священником. Мне в то время это показалось скучным, и книгу я отложил. Взяв её вновь, и полистав, я заинтересовался и, наконец, осознал: это был авторский ход, – гипертрофированное изображение пороков тогдашнего общества, –

это был канун распада римской империи, – и порочность самого героя, просто усиливали впечатления о том, какой духовный путь пришлось пройти герою, испытавшему настоящую метаморфозу. Эта книга, похоже, и не задумывалась, как сборник эротических историй. Пошлый эротизм, мерзкие поступки героев в её первых частях были нарочитыми и служили просто для назидания, оттеняя главную мысль последних разделов произведения, – они были почти богословскими, – автор размышлял о Боге и о путях спасения.

Любви там не было.

И я продолжал свои поиски...

В сентябре начался новый учебный год, и наступила обычная рутина. Внезапно для себя, я заметил девочку из параллельного класса, Маринку. Я знал её и раньше, но не обращал на неё никакого внимания. Маринка за лето сильно изменилась, – она как-то налилась, округлилась и стала совсем девицей. Мне она показалась очень милой. Когда я заговаривал с ней, то ощущал какие-то флюиды, исходящие от неё: она оказалась очень обаятельной и умной.

И я влюбился! Она стала снится мне по ночам. Её мысленный образ я носил с собой, как драгоценную жемчужину... Это были совершенно новые для меня чувства, совершенно не те, которые я испытывал к «тому насосу», Эдику, – в них совсем не было плотских желаний. Наоборот, сама мысль о плотских желаниях по отношению к ней, была

кошунственной: для меня она была недостижимым идеалом.

Я постоянно искал повода быть рядом с ней. Я даже изучил расписание её класса и специально задерживался после пятого урока, если у них было шесть. Я как будто невзначай встречал её, и мы шли домой рядом, – она жила недалеко от нашего дома и было по пути. Ну, почти... Иногда она доверяла мне нести свой портфель, и я нёс его как великую ценность: к нему прикасалась рука моей возлюбленной!

Я шёл рядом, мы весело болтали, и я испытывал нестерпимое желание взять её за руку. От этой мысли я трепетал, и... не смел прикоснуться к ней. Я страдал от этого, но боялся, что простое прикосновение что-то разрушит в моей душе. Стихов я никогда не учил, но вдруг они сами иногда приходили в голову, и я цитировал сонеты Петрарки, стихи Сафо. Как-то раз мы разговаривали об античности, и я к слову продекламировал ей наизусть отрывок «Энеиды» Вергилия на латыни, – она слышала звучание этого языка впервые, и слушала, как мне казалось, с интересом. А я, гордясь своей «учённостью», заливался соловьём. Соловьём с павлиньим хвостом!

Но, она не была, – как пишут в романах, – «благодарна» ко мне. Оказалось, ей просто нравился другой парень, существенно старше нас – сокурсник её старшего брата. Однажды, я застал их вместе, и увидев, как она смотрит на него, и как улыбается ему, всё понял... Вначале я ревновал, злился на него, а потом смирился. Постепенно её образ померк,

и она стала мне безразлична.

Шло время...

С Ленкой тоже явно что-то происходило.

У нас стал бывать Стас, – он был уже в десятом, – он приходил к нам поиграть со мною в шахматы и посмотреть бабушкины книги. Когда Ленка была рядом, он играл как-то рассеяно, невпопад. Я видел взгляды, которые он тайком бросает на Ленку, и догадался: он был влюблён в мою сестрёнку!

Ленка с ним была весела, они болтали, хохотали и даже немного возились: ставили руки на локти и боролись ими. А потом иногда начинали шутливо препираться и толкаться, прямо как в детстве. Она была с ним... тем озорным мальчишкой из дворовой ватаги, – и как юношу она его, похоже, не воспринимала. И, как написали бы в романе:

«Она отвергла его любовь и тем разбила его юное сердце».

Вскоре Стас утратил интерес к «шахматам» и ходить к нам перестал.

Как оказалось, Ленка просто была влюблена в другого!

Я догадался об этом, когда однажды, войдя в комнату, обнаружил её сидящей в полутьме на подоконнике с мечтательным выражением лица. Она подняла на меня свои глаза, и в них было что-то такое, что я сразу решил: нужно оставить её одну.

Через некоторое время дверь нашей комнаты хлопнула, и я пошёл к себе. Ленка встретила меня по пути. Она была спокойная и задумчивая. Задержав меня на мгновение, и чмокнув в щёку, она пошла дальше. Мне всё вдруг стало ясно!

Скорее из озорства, чем из любопытства, я как-то с улыбкой спросил её:

– Ну, и кто твой рыцарь?!

В ответ я ожидал услышать что-нибудь из рода «Дура-ак!» или про секреты от девочек и мальчиков. Но она, опустив взгляд, просто ответила:

– Никто... Потом узнаешь.

Её вид умилил меня, и я обнял её...

Ни с того, ни сего, Ленка решила сшить себе платье. Она отродясь никогда не занималась рукоделием, а тут – раз, и надумала.

Вытащив из шкафа коробку с детальками от Зингера, она, повозившись с машинкой несколько вечеров, собрала её и наладила: на этом антиквариате стало можно шить.

Мама в молодости шила на Зингере, пока машинка не испортилась; и она взялась помочь Ленке.

Они долго что-то выбирали в журналах, обсуждали, рисовали на бумаге и вырезали выкройки, а потом скалывали их булавками, и Ленка в этих бумажных «платьях» вертелась перед зеркалом. Потом они выбирали ткань.

Всё это было долго, основательно, и создавало ощущение, что творится великое таинство.

«Это для Него!» – догадывался я, и меня это очень забавляло.

Раскroив ткани, Ленка сидела и сшивала куски белой ниткой. Она постоянно кололась иголкой и чертыхалась. Вроде, шов, как шов, но ей он казался неровным, или нитки путались, – она переделывала, – и упорно продолжала своё занятие. На мамины предложения о помощи, она отвечала:

– Я сама!

Наконец, подготовленные части платья были торжественно уложены на стол. Шитьё было намечено на воскресенье.

В старших классах, после окончания уроков, никто обычно сразу не уходил, – толпились на крыльце, болтали, смеялись, кто-то тайком курил, – у всех были свои дела. Потом, собираясь небольшими компаниями, постепенно расходились.

В субботу я пришёл домой немного позже Ленки, – после уроков у нас был классный час. Войдя в квартиру, я заметил, что Ленкино пальто висит на вешалке несколько небрежно, а туфли валяются на полу, как будто их в спешке просто сбросили.

«В туалет приспичило», – подумал я и вошёл в комнату.

Нет, не «приспичило». Войдя в комнату, я услышал Ленкины всхлипывания и успел заметить, что заготовки платья

комком валяются в углу. У меня сразу мелькнула догадка:
«Поссорились»!

Она, бывало, плакала и раньше, но в этот раз явно что-то было не так. Я не на шутку встревожился и, скинув с себя школьный пиджак, без стука вошёл к Ленке за ширму: она, не сняв школьной формы, лежала на кровати ничком и, вздрагивая, плакала.

Я опустился на колени и коснулся её плеча. Она слабо отмахнулась и опять всхлипнула. Не обращая внимания на её протесты, я лёг с ней рядом, подперев голову рукой, – какое-то чутьё подсказывало мне, что сейчас я должен быть рядом с ней. Я, я, и только я.

Я гладил её по голове, по плечам, по спине:

– Ленка, Леночка, сестрёнка моя любимая... – тихо шептал я.

Она постепенно успокоилась, повернулась на бок к стене лицом и подсунула кулачок под голову. Другой рукой она приводила себя в порядок, – вытирала лицо и сморкалась... Я решил ничего не спрашивать, – если захочет, – расскажет сама. Она молчала, молчал и я...

– Какая же я была дура, – наконец, тихо произнесла Ленка. – Угораздило влюбиться в такого подонка...

Она помолчала и добавила, уже со злостью:

– Он садист! Садист несчастный!

– Садист? – недоуменно спросил я. – Я его знаю?

– Вряд ли, – он из десятого «Б», – это уже не важно... Там,

на крыльце, в школе, на парапете сидела кошка. Никого не трогала! А эти уроды решили подпалить ей усы! Они чиркали зажигалкой и подносили к её морде, кошка изворачивалась, а они не давали ей убежать... И хохотали! Ты бы слышал, как они хохотали! А он, – он вместо того, чтобы одёрнуть их, – он тоже хохотал! Ты бы видел эту глумливую рожу! Ненавижу его! Ненавижу!

Немного успокоившись и помолчав, она добавила:

– Я не сдержалась и при всех ударила его по лицу...

Сердце моё ёкнуло:

– Он... в порядке?..

– Да что с ним будет... Поднялся, отряхнулся и заржал, как мерин!..

Я должен пояснить, что меня так встревожило: обычно она говорила «дала по морде», это частенько случалось, – в детстве. Но «ударила по лицу», – в нашей семье с некоторых пор это обозначало нечто другое...

В детстве, между мальчишками во дворе частенько случались стычки, – поводов было, хоть отбавляй. Чаще всего, из-за чего-нибудь сначала начиналась словесная перепалка, а потом мальчишки начинали толкаться:

– Дурак!

– От дурака слышу!

– Сейчас у меня получишь!

– Сам получишь!

Обычно, в результате потом один из них падал, а победитель, торжествуя, удалялся. И на этом всё заканчивалось. Но иногда, доходило и до потасовки, – бывали и синяки, и ссадины. Потом, остынув, мальчишки успокаивались и расходились. А через некоторое время, обычно мирились, сцепившись мизинцами рук:

– Мирись, мирись, мирись, – и больше не дерись!

Стас, когда сам не был участником ссоры, обычно вмешивался, и иногда ему удавалось вразумить своих младших приятелей ещё до того момента, когда дело доходило до драки.

Как-то раз, когда нам было ещё лет десять-одиннадцать, а Ленка ещё была «мальчиком», во время игры в футбол она «поцапалась» с Юркой, – спорили: гол был «от руки» или нет. Конфликт зашёл далеко: они уже толкались и обзывали друг друга. В то время я уже не боялся за неё, и не придавал этому особого значения.

Но в тот раз случилось нечто необычное: Юрка плюнул Ленке в лицо! А она, недолго думая, «врезала» ему по морде! Юрка как-то странно осел и, упав, закатил глаза. Мы не на шутку перепугались, – такого ещё никогда не бывало!

Через несколько мгновений он очнулся и сел, явно не понимая, что с ним произошло. Все обступили его и не знали, что и делать. Ленка ещё стояла со злобным лицом и, сняв майку, вытиралась.

Потом Юрка встал, – его пошатывало, – и его, проводив,

усадили на лавку. На его глазу и щеке наливался огромный синяк. Все сидели вокруг него на корточках. Ленка сидела на лавке рядом, положив Юрке руку на плечо, – она явно переживала, – о злости уже не могло быть и речи.

Валька, – он жил на первом этаже, – успел сбегать домой и принести кубики льда из холодильника, завёрнутые в тряпку. Лёд приложили к Юркиному лицу, – для нас это уже было не в новинку. Вскоре пришла и Валькина мама, – она была медсестрой и, видимо, решила взглянуть, что там с Юркой, – дома Валька сказал ей, что Юрка сильно ударился.

На расспросы Валькиной мамы Юрка наврал, что «ударился об штангу».

Валькина мама долго рассматривала Юркино лицо, водила у него перед носом пальцем и говорила, чтобы он за ним следил.

Потом она сказала:

– Вроде ничего особо страшного. Но всё равно скажи маме, что надо бы показаться врачу. Осторожнее надо быть, ребята!

Сейчас, вспоминая тот случай, я могу предположить, – она решала, – вызывать «Скорую» или нет.

Потом было «миришь – миришь» и всё закончилось. Думаю, об этой стычке вскоре забыли бы, если бы Юрку не опозорила его мать.

Вечером она за руку притащила Юрку к нам домой и устроила скандал! Дверь открыла бабушка, мы с Ленкой то-

же вышли на звонок: он был какой-то нервный.

– Полюбуйтесь, что ваша хулиганка сделала с моим мальчиком! Скажите спасибо, что нет сотрясения мозга, иначе я бы написала заявление в детскую комнату милиции!

Она кричала всё громче и громче, уже начиная грязно браниться. Вдруг бабушка рявкнула:

– Не смей! Не смей выражаться в моём доме! Здесь дети!

Юркина мать осеклась, захлопала глазами и замолчала. А бабушка, уже спокойно и ласково продолжала:

– Так Вы были в поликлинике, голубушка? Что Вам там сказали?

Юркина мать немного успокоилась:

– Подозревали перелом и сотрясение мозга. Но обошлось.

– Так, – сказала бабушка, – Пусть нам дети расскажут, как всё было. Юра, что произошло? Расскажи по порядку, как всё было.

Юрка начал рассказывать:

– Ну, мы с пацанами играли в футбол... Ленка от руки забила гол...

– Не Ленка, а Лена, – спокойно поправила бабушка, – Так, забила гол...

– Не было руки... – вмешалась Ленка.

– Лена, помолчи, тебе дадут слово... Так, Юра, продолжай...

– Ну, мы с Ленкой... С Леной... Пospорили... Маленько потолкались...

– И?.. – подбадривала его бабушка, а Юрка молчал. – Ну?..

– И он плюнул мне в лицо! – заявила Ленка.

Бабушка строго взглянула на Ленку, а потом, повернувшись к Юрке спросила:

– Юра, это правда?

Юрка потупился, опустил голову и кивнул. В его глазах были заметны слёзы. Его мать с удивлением смотрела на него.

– Что было дальше? – спросила бабушка.

– Я дала ему по морде, – снова встряла Ленка.

– Лена! Запомни! Нет у людей никакой морды! – Ударила по лицу!

– Ударила по лицу, – сказала Ленка.

Они поговорили ещё немного и Юрка с матерью ушли.

Позже во дворе Юрка оправдывался, что его «расколола врачаха», – в то, что он «ударился об штангу» она не поверила.

У мальчишек был свой «кодекс чести», – и над ним некоторое время смеялись.

А после того, как ушли Юрка с матерью, бабушка усадила нас с Ленкой на диван и сказала:

– Лена! Я тебя понимаю: каждый человек имеет право и обязан отстаивать свою честь. Но и ты должна понять: Господь наделил тебя физической силой, которую он дарует не

каждому мальчику.

Мы с Ленкой гордились, что она такая сильная, – она опустила голову, но не смогла скрыть улыбку. Я тоже заулыбался.

– Ничего смешного не вижу! Я понимаю, что ты ударила Юру сгоряча. – продолжала бабушка, – Но ты должна понимать, что дарованная тебе сила – вовсе не награда. Это крест твой, который ты будешь нести всю свою жизнь. Ты могла покалечить Юру. Он даже мог умереть. И ты была бы виновной в этом, и с этой виной жила бы всю жизнь...

Мы были в растерянности, – нам и в голову не могло прийти, что всё настолько серьёзно. Услышав это, мы поникли.

– Ты должна научиться управлять своим гневом. Иначе – быть беде. Никогда не бей людей по лицу. Только, если тебе придётся защищаться от хулиганов самой или защищать других...

Позже некоторое время бабушка занималась с Ленкой специальной тренировкой, – учила её управлять своими эмоциями...

...Ленка уже успокоилась, но мы продолжали лежать вместе и молчали. Она всё ещё лежала ко мне спиной. Мне очень захотелось приласкать её, я подвинулся к ней вплотную и осторожно обнял. Она не отстранилась, наоборот, прижалась ко мне всем телом. Я тихонько целовал её в затылок и гладил рукой её тело, стараясь не задеть её милые девичьи грудки.

В детстве Ленкино тело не было для меня запретным. Как и моё для неё, – мы воспринимали тело друг друга, просто как продолжение собственного. Теперь мы выросли, и я скорее чувствовал, чем осознавал, что у сестры для брата есть запретные места, – прикосновение к ним теперь стало табу. И как у брата для сестры. И как у дочери для отца...

Тогда, – в детстве, – она стала «мальчиком» в один вечер. Обратно в девочку Ленка превращалась медленно и незаметно для меня. Мы росли, дворовая ватага постепенно рассыпалась, – рассыпалась и футбольная команда. Футбол забросили, – появлялись новые интересы, жизнь брала своё. Со временем, она вместо мальчишечьей одежды стала носить спортивные костюмы, – ей так стало больше нравиться. Волосы отросли, и она больше не стриглась под мальчика; привыкла она и к девичьей одежде. Она уже давно стала обычной и довольно привлекательной девушкой.

Ленка повернулась ко мне лицом, как-то молитвенно сложила руки и уткнулась в мою грудь своим носиком. Мне казалось, что ей хочется спрятаться, зарыться в моей груди, – она искала защиты. Я ещё крепче обнял её – и я хотел защищать её! Мне хотелось закрыть её своим телом, спрятать в какой-то волшебный кокон, чтобы ничто не могло потревожить её. В те минуты мне казалось, что я прямо сейчас готов за неё отдать свою жизнь!

Обнимая её, я думал:

«Она всегда была мне старшей сестрой, когда я нуждался в сестре. Она заменяла мне и старшего брата – она всегда чувствовала, когда мне это было необходимо, и в такие минуты была старшим братом. Теперь тебе самой нужен брат, и вот я – рядом с тобой».

Она лежала в моих объятиях и тихонько, чтобы я не заметил, целовала мою грудь... Я чувствовал себя взрослым Мужчиной, в объятиях которого успокаивается дорогая ему Женщина. И наслаждался этим новым для меня чувством.

«А может – это и есть любовь?» – думал я...

Ленка опять начала всхлипывать.

– Я – дурочка? – как-то наивно спросила она.

– Нет, – ты моя умненькая, любимая и драгоценная сестрёнка, – с улыбкой ответил я, и вдруг вспомнив Таньку из романа, с неведомо откуда взявшейся уверенностью, добавил: – Просто ты девочка, а у девочек это бывает именно так.

Она ещё всхлипнула и подняла на меня свои заплаканные глаза: мне на мгновение показалось, что на меня смотрела не взрослая девушка, – на меня смотрела маленькая девочка, – та Ленка, – из ушедшего прошлого!

– Правда?! – как-то совсем по-детски спросила она.

Вдруг, на несколько мгновений меня охватил восторг: мне захотелось целовать её, ласкать и баюкать на руках, подбрасывать и ловить её, подбрасывать и ловить, и кружить, кружить вокруг себя, – как это делал дедушка, – и чтобы она

визжала, визжала от радости! Я растаял от нежности! Это чувство захватило меня полностью, растворило в себе!

Это длилось всего несколько мгновений: Судьба просто решила познакомить меня с самым сильным чувством, которое мне ещё доведётся испытать в своей жизни. И это чувство – нежность отца к собственному ребёнку. Я снова и снова испытывал его, когда целовал и ласкал собственную дочку, баюкал её на руках, подбрасывал и ловил, подбрасывал и ловил, и кружил, кружил её вокруг себя, а она визжала от радости... Или когда я за ручку вёл её, и от этой ручки во мне разливалась такая волна нежности, что я таял от неё и с трудом мог сдерживать слёзы счастья...

На следующей неделе, выходя из школы, я увидел старшеклассника с синяком на глазу.

«Он?» – подумал я. – «Боже мой... Ну и рожа...»

И мне стало очень обидно за мою сестрёнку.

Платье валялось в углу пару недель. Ленка полностью утратила к нему интерес. Мама деликатно не задавала никаких вопросов. Потом она перекроила платье и сшила его на себя, – после смерти бабушки мы жили на небольшую мамину зарплату и бабушкины сбережения, которые она оставила, чтобы «поднять детей».

Свою любовь я всё-таки встретил, когда уже стал взрос-

лым и самостоятельным. Она оказалась совсем не такой, как её описывают в романах... Мы поженились, и моя возлюбленная подарила мне очаровательную девочку. Сейчас дочка уже выросла и переехала к мужу, а мы с нетерпением ждём внука: мы уже знаем, что это будет мальчик. И я уже люблю его, как и раньше любил моего ещё не родившегося ребёнка.

Доска почёта, на которой висела дедушкина фотография, долго стояла перед проходной предприятия, где дедушка делал свои «почтовые ящики». Макет одного из них, до сих пор бороздящего космические просторы, торжественно стоял там же, на постаменте. Теперь настали другие времена, доску почёта и макет убрали – теперь там шиномонтажная мастерская, а рядом – ларёк, в котором приветливые мужчины в больших кепках предлагают отведать шашлык...

Ленка вышла замуж поздно, когда для всех она уже была Еленой Владимировной. Она была хороша, – былого «мальчика» в ней, для тех, кто её знал в детстве, выдавали только крупные ладони и неширокие бёдра, – и мужчины вились вокруг неё. Однако, она искала того, единственного:

– С мужем я хочу чувствовать себя женщиной, а им всем «мамка» нужна! – так обычно она отшучивалась от особо назойливых приятельниц. С её характером найти достойного её, сильного мужчину было непросто.

Но это – уже совсем другая история...

Бабушкина рукопись

Когда бабушка работала в своём клиническом институте, она, помимо научной работы, также вела и приём пациентов. Ещё учась в институте, она пришла к выводу, что многие психические расстройства «родом» из детства и часто были связаны с ошибками родителей в интимной сфере, а то и вообще – с преступлениями против ребёнка. Это и предопределило её редкую специализацию, также как и специфичность заболеваний её пациентов.

Бабушка брала и сложные случаи, вызывавшие затруднения у её коллег: мы знали, что если «пациент тяжёлый, на грани», – это человек, склонный к самоубийству. Чаще всего, её пациентами были жертвы изнасилований, бытового насилия, школьной травли и других психотравм. Она занималась и более традиционными пациентами, – мужчинами с проблемами с «мужской силой», «холодными женщинами» и подростками с проблемами в социальной адаптации. Бралась она и за маньяков, – она считала необходимым дать человеку, оказавшемуся преступником, ещё один шанс. В этих случаях она пыталась понять, что сделало обычного человека преступником. Она была против принудительного лечения, какого-бы вида заболевания это не касалось. В уголовной среде её тоже знали и уважали – если её привлекали к работе в качестве судебного эксперта, она была беспристраст-

ной и все сомнения толковала в пользу обвиняемого. Следователи, напротив, её за это недолюбливали.

В её свободомыслии и крылась основная причина, почему ей долго не удавалось сделать научную карьеру. Она консультировала коллег, брала аспирантов, многие из которых давно стали кандидатами и докторами наук; некоторые из них бесстыдно пользовались её наработками, выдавая их за свои.

Её пациентами, в основном, были «руководящие товарищи» и члены их семей. Некоторые из них не доверяли клинике, – не каждому хотелось иметь в истории болезни, даже в секретной, каких-либо записей о глубоко личном, – и предпочитали лечиться у неё частным образом, – лично ей они доверяли.

Такие приёмы бабушка и называла «по-частному». «По-частному» она принимала ещё работая в институте, а после выхода на пенсию, – это стало её основным видом приёма, да и средством заработка. Мама опасалась огласки и как-то говорила бабушке:

– А если «настучит» кто-нибудь?

– Кому? Самим себе? – смеялась бабушка, – Кто их потом лечить будет!

Для приёма за ней обычно присылали служебную машину, на этой же машине бабушку привозили обратно. Когда мы были ещё маленькие, мы с Ленкой как-то раз канючили, чтобы она попросила шофёра прокатить нас на машине, –

машина была большая и красивая, – чёрная «Чайка». Бабушка твёрдо отказала:

– Даже и не думайте! И чтобы к машине даже близко не подходить!

Мы поняли, что за этим кроется какая-то тайна и больше к ней не приставали.

Когда бабушка возвращалась с работы «по-частному», она частенько привозила сладости, экзотические фрукты или какие-то вещи. Эти вещи у нас в семье назывались «дефицит». «Дефицитом» могло быть что угодно, – одежда, обувь, посуда, продукты, книги. «Дефицит» продавали в особых магазинах, и бабушкины пациенты иногда выписывали ей туда пропуск.

Иногда бабушка возвращалась поздно. Мы с Ленкой всегда ждали её и упрашивали маму, – когда она была дома, – разрешить нам не ложиться спать до приезда бабушки.

Одним из таких «дефицитов» была машинка, в которую можно было сверху вставить лист бумаги и крутить ручку. Бумажный лист втягивался в машинку, а снизу он выезжал уже в виде «лапши», да ещё и смятой в гармошку. Трогать машинку без спроса нам не разрешалось. После работы «по-частному» бабушка садилась за стол и долго-долго что-то писала. Иногда, если написанный лист оказывался испорченным, бабушка доставала эту машинку и разрешала нам с Ленкой крутить ручку. А потом разрешала поиграть с «лапшой».

Само слово «дефицит» бабушка ненавидела, но и не отказывалась от этих вещей, справедливо считая, что заработала это честным трудом:

– Это малая плата за то, что натерпелись мои родители... Да и за все мои унижения тоже, – говорила бабушка.

Как-то раз, она вполголоса сказала маме:

– А знаешь, Галь, коммунизм они всё-таки построили... Только для себя: ты бы видела их столовую...

Само время, в котором мы жили, в семье потом называли «эпохой развитОго дефицита»...

Изредка бабушка принимала пациента на дому. Тогда она запиралась с ним в своей комнате, а нам не разрешалось шуметь, бегать и стучаться к ним. Мимо комнаты мы должны были ходить тихо.

Одним из её пациентов был «товарищ N», – она занималась его лечением больше года. Маме она как-то говорила, что лечить его она начала ещё в клинике, но потом он сам попросил её о частном приёме, и желательно, не у него дома. Она не отказала, и он стал бывать у нас.

В отличие от других пациентов, которых она принимала на дому, он уходил не сразу, – бабушка усаживала его пить с нами чай. И с некоторых пор для нас он стал дядей Володей.

Однажды замок в двери щёлкнул и я, подумав, что они уже закончили, побежал в комнату. Но бабушка только открыла дверь и выглянула из неё:

– Славик, позови маму, – попросила она.

И я помчался за мамой. Она пришла, бабушка ей что-то сказала, а потом опять закрылась изнутри.

Однако, я успел заметить нечто таинственное: в комнате был полумрак – горел только ночник, а шторы были плотно задёрнуты. Дядя Володя в одной рубашке и брюках полулежал в подушках на моём диване, и, казалось, спал. Ноги его были накрыты пледом, а у дивана стоял бабушкин стул. В комнате едва слышно играла медленная и очень необычная музыка.

Я рассказал об увиденном Ленке, но мы благоразумно решили ни о чём у бабушки не спрашивать.

Другие пациенты, – мужчины и женщины, – были самыми обычными. Были и такие, вместе с которыми в другой машине приезжали какие-то хмурые дядьки. Пока пациент был на приёме, они стояли у нашего подъезда и курили. Обычно, эти пациенты сразу после приёма уходили, даже не попрощавшись с нами; бабушка остаться с нами на чай им не предлагала.

Нам показалось, что бабушка с дядей Володей просто подружились, – они были примерно одного возраста и с некоторых пор перешли на «ты». Он бывал у нас и после того, когда уже излечился, и даже несколько раз приезжал, когда бабушки уже не стало. Спустя годы в газете напечатали его некролог, а мама плакала...

О рукописи мы знали ещё при жизни бабушки. Она говорила, что хотела организовать все свои заметки, черновики научных статей, дневники и размышления по темам, в отдельных книгах. Руки дошли только до одной книги, – эту книгу она собрала в первую очередь. Это не была цельная научная работа, – она содержала кропотливо собранные исходные материалы и комментарии к ним для последующего обобщения и подготовки научных работ. Скорее, эта книга ставила целью поделиться многолетним опытом, приглашая будущего врача присоединиться к осмыслению приведённых в ней фактов. Именно поэтому бабушка и хотела завещать этот труд одному из своих потомков, – тому из них, кому эта тематика покажется интересной.

Остальные бумаги так и остались лежать в коробках.

После её смерти архив долго оставался нетронутым, а потом, примерно через год, мы всё упаковали и положили в шкаф «до лучших времён».

Как-то раз, когда я был уже студентом, меня взяло любопытство, и я достал рукопись.

Начиналась она с черновика бабушкиной университетской курсовой работы по истории медицины. Она решила исследовать известные литературные источники на предмет описания в них различных заболеваний, в первую очередь неврологических и психических расстройств. С этой точки зрения там рассматривались персонажи известных произведений: там были и Ромео и Джульетта, и Принц Датский, и

король Лир, и даже персонажи античных драм, – список был обширным.

Структура работы была такой: давалась цитата на языке оригинала, а дальше исследовалось поведение или состояние персонажа. Иногда встречались комментарии с вопросами, например:

«Болезнь Паркинсона? – уточнить симптомы в справочнике»

«Шизофрения?»

В конце она делала осторожные выводы, что известные науке современные неврологические и психические расстройства были свойственны людям и в глубокой древности, – стрессы современного мира, возможно, и не являются основной их причиной, как в то время считали некоторые учёные. Побочным выводом была идея использовать этот метод в литературоведении: просто так выдумать персонаж с явными симптомами заболевания сложно, поэтому это могло служить индикатором, что у персонажа был вполне реальный прототип, а то и вообще, всё произведение является литературным изложением реальной истории.

Я совсем далёк от медицины, и не мне оценивать эти выводы начинающего исследователя, но ход мыслей мне показался интересным, и я прочитал ещё несколько черновики.

В более поздней работе аналогичным образом анализировались источники, описывающие античного злодея – императора Калигулу. Прослеживался его путь от униженного

ребёнка, насмотревшегося в детстве на злодеяния родственников, до превращения его в одного из самых зловещих тиранов древнего мира. Автор работы утверждал, что этот человек имел явные психические отклонения с сексуальным уклоном, и что истоки его заболевания надо искать у него в детстве. Однако, скудность источников и явные признаки фальсификации реальных фактов, не позволили довести эту работу до конца.

Попался мне и черновик научной статьи для иностранного журнала, в котором бабушка критиковала подходы Фрейда к изучению поведения людей. В целом признавая его заслуги перед наукой, она считала его взгляды несколько однобокими и схематичными. Но я там ничего не понял, поэтому оставил эту статью в покое.

Удовлетворив своё любопытство, я убрал рукопись, и надолго забыл о ней.

Много позже, когда Алиска поступила в институт и думала о своей будущей специализации, мы вдруг вспомнили о рукописи. Сестрица моя тогда несколько дней гостила у нас, – мама была ещё жива, и Ленка приехала её навестить, – в тот раз я рассказал ей о своих студенческих впечатлениях. Ленка заинтересовалась, мы вновь достали книгу и начали её изучать. Мама, видя наш интерес, рассказала, что к рукописи прилагались какие-то конверты, которые бабушка просила хранить отдельно. Поискав, она нашла их и отдала нам.

Мы посмотрели бумаги в этих конвертах и ничего не поняли, – какая-то алхимия попеременно с названиями современных лекарств, гадалщицы, гороскопы и так далее. Мы решили, что это просто какие-то заготовки, обрывки мыслей, которые не вошли в книгу.

Полистав наугад, мы открыли книгу где-то в середине. Было видно, что это были поздние бабушкины работы, и по видимому, она нашла целый пласт древнеримской литературы. Похоже, это были записи древних врачей. Естественно, мимо такого бабушка пройти просто не могла.

Тексты были на латыни, часто были написаны в стихах, а сам текст порой был очень «туманным», – похоже авторы этих работ опасались конкурентов и использовали какой-то способ шифрования своих текстов. Каждую такую цитату бабушка сопровождала комментариями на русском языке. В них она пыталась пробраться сквозь античный «туман» и давала свою версию описываемого события или симптома. В комментариях упоминалось также об успешном пополнении картотеки шифра этого автора, но про саму картотеку ничего известно не было, видимо, она её вела отдельно. Естественно, свои предположения она описывала современным медицинским языком. Думаю, для интересующегося этой тематикой человека, эти заметки были бы весьма интересны.

Мы листали дальше и дальше. Одна из работ была самой объёмной. В ней описывались события, происходившие с неким «достойным мужем», – римским сенатором. Там бы-

ло очень много цитат, но почти не было комментариев, – для них просто было оставлено свободное место. Нам и до этого уже попадались подобные работы и мы предположили, что бабушка хотела вернуться к ним позже, но не успела. Что же, есть чем заняться её последователю.

Текст этого источника нас заинтересовал, и мы включились в собственные исследования. В тексте, помимо «тумана», были и некоторые странности. Так, например, отчим «сего достойного мужа» описывался смотрителем детских сиротских приютов. Сиротский приют? В древнем Риме? Ну ладно, – мы же не специалисты. Чувствуя себя детективами, мы продолжали, – появился азарт.

История изобиловала алхимией, фазами луны и планет, колдовством и прочими древними литературными приёмами, что создавало ощущение загадочности и фатализма.

Там была описана история мальчика, – будущего сенатора, – отчим которого и был тем самым смотрителем приютов. Этот мальчик совершил что-то ужасное: по нескольким фразам типа «мечом огня, дарованным Вулканом, грудь злодея он пронзил», – я бы примерно так перевёл с латыни этот стих, – мы предположили, что он убил отчима, когда тот спал. Это косвенно подтверждалось стихами, в которых герою повествования, уже будучи взрослым, просил богов смилостивиться и не посылать ему больше ночных кошмаров о его злодеянии. Дальше описывались злоключения героя: он обращался к «гадальщику по внутренностям», к «гадальщи-

ку по яичной скорлупе», – ничего не помогало, боги не прощали его.

Один из стихов описывал полное отчаяние героя, – он «был готовым меч в себя вонзить» и стал отшельником. Однако, «в пещере каменной» он встретил Оракула. Оракул, гадая на воде, сказал ему, что не видит его вины, и что руками пасынка боги свершили кару его отчиму за его прегрешения. Потом Оракул отправил героя к Толкователю сновидений.

Толкователь сновидений дал выпить герою зелье и тот заснул. После этого, Толкователь рассказал, как он растолковал сны героя. Переводя на современный язык, я бы так изложил смысл его снов.

Его отчим устраивал оргии с «девами юными» и «купидонами прелестными», для чего в приютах были построены «храмы тайные, угодные Венере». К этим оргиям он привлекал и своего пасынка.

Пасынок, как оказалось, страдал не от кошмаров, «посланных богами» за убийство отчима, а от постигших его «чар» порочной тяги к детям. И эти чары поставили его на грань гибели. Толкователь сновидений снова и снова смотрел его сны, молил богов о ниспослании ему прощения, и в одном из снов Юпитер, наконец, освободил его от «чар».

История показалась интересной.

И вдруг, на последней странице этой тетради мы увидели сделанную вдоль полей широким взмахом надпись: «Victoria!». Рядом стояла дата, и дату эту мы хорошо запом-

нили!

Это была дата бабушкиного юбилея, – в этот день у нас было торжество. Приехали родственники, друзья, даже бывшие коллеги из «банка с пауками». В разгар веселья внезапно для всех приехал дядя Володя, изрядно напугав и переполошив гостей, – все его хорошо знали, как товарища N.

Он был в парадном генеральском мундире, с золотыми погонами, в фуражке с золотым шитьём и в брюках с лампасами. Он привёз большую корзину с цветами, огромную коробку конфет, ананасы, иностранный сыр и несколько бутылок французского шампанского.

Бабушка, видимо, его ждала, – за столом было заранее оставлено свободное место. Он сказал тост, посидел с нами около часа и с извинениями откланялся. Бабушка тоже извинилась, и пошла проводить его. Её не было минут пять.

Вернувшись, она сияла как солнце! Она стала невероятно весела, и даже немного выпила лишнего. И шутила, и пела, и танцевала весь вечер!

Вечером, когда гости разошлись, и убрали посуду, бабушка торжественно объявила маме:

– Галя! Виктория! Я вырвала этот гнилой зуб!

Они ещё некоторое время разговаривали с мамой, но это был разговор для взрослых.

Увидев дату, мы с Ленкой переглянулись и почти одно-

временно воскликнули:

– Дядя Володя?!

Мы ещё раз начали просматривать эту историю и вдруг вспомнили про конверты. При внимательном рассмотрении, в конвертах обнаружился ключ к некоторым «туманностям»: так, например «гадателем по яичной скорлупе» оказался врач-уролог, – в чувстве юмора бабушке не откажешь. А «гадатель по внутренностям» – терапевт. «Оракул» – психиатр. «Толкование сновидений» – сеансы гипноза. И масса других специалистов. А вся алхимия с гороскопами – назначавшиеся лекарства и графики их приёма: мы нашли таблицы, в которых и было дано соответствие, пусть и несколько завуалированное.

Теперь всё встало на свои места: подшитые в конец книги тетради с цитатами «античных» литературных произведений были подделкой. Сами первоисточники никогда не существовали, а их авторы вообще были вымыслом. Всё это написала сама бабушка: это были истории болезни её пациентов, которых она принимала «по-частному».

Имея опыт работы с подлинными античными источниками, бабушка применила метод одного из их авторов, чтобы зашифровать истории болезни и спрятать их среди реальных античных работ. Как мы полагали, она хотела обезопасить своих пациентов от излишнего любопытства их завистливых коллег. И, в то же время, сохранить эти материалы для дальнейшей научной работы.

Тайна была раскрыта, и мы ликовали!

Однако когда эйфория прошла, мы почувствовали, что из чистого любопытства влезли в грязных ботинках в чужую душу, и нам от этого стало не по себе.

Теперь стали ясны и цели того обыска, который у нас устроили на следующий день после бабушкиных похорон: искали компромат на своих соратников. Любой, даже сами не знали какой!

Бабушка ничего не сжигала, – у нас и печки-то нет. Мама тем мужчинам в одинаковых костюмах просто соврала.

А книга в тот день была спрятана очень хорошо: она лежала на самом виду! Те вежливые мужчины, видели эту книгу, и один из них даже листал её. Он тогда произнёс вполголоса: – Совсем рехнулась, старая ведьма!..

А бабушка, похоже, именно на это и рассчитывала!

Раскрыв тайну, мы задумались, что делать с рукописью. Поразмыслив, мы решили, что понять из этих записей, о ком идёт речь, почти невозможно. Бабушка «прокололась» только с датой, – видимо, её подвели винные пары, – но о дате было известно только нам троим, с мамой. Рассуждая таким образом, мы решили, что книга для бабушкиных бывших пациентов вполне безопасна. А как кладезь знаний, конспектов первоисточников и записей о собственных наблюдениях, для врача эта рукопись вполне может быть интересна, – нам это оценить трудно. Алисе Ленка решила всё-таки рассказать о секрете рукописи, хотя и не всё: якобы, что шифровалась она

для защиты от нечестных коллег, что тоже могло быть правдой.

И мы решили оставить рукопись, ничего не трогая. Хотя бы просто, как памятник эпохе.

А там – как знать...

—

Эта история произошла в параллельной Вселенной, на другой планете. Автору она просто приснилась, – и за достоверность событий он не ручается; все совпадения случайны.

Кошка не пострадала.